

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

A black and white, halftone-style portrait of a man with short, light-colored hair, looking directly at the camera with a neutral expression. He is wearing a dark leather jacket over a dark collared shirt and a dark tie. The background is a plain, light color.

*Алька. Кандидатский
минимум
Алек Рейн*

Алек Владимирович Рейн

Алька. Кандидатский минимум

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57097436

SelfPub; 2020

Аннотация

Книга о жизни молодого человека в СССР в семидесятые, восьмидесятые годы двадцатого века, рассказ о том, что приходилось предпринимать обычным людям для того, чтобы обеспечить более-менее приемлемый уровень жизни их семьям. Описываются детали быта людей в Москве и на периферии, различные жизненные коллизии в которые попадает герой повествования. Автор не чернит и не приукрашивает время и места, где разворачиваются события сюжета.

Фотография обложки взята из личного авторского архива.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

118

Секция обработки давлением кафедры «Технология металлов» факультета «Автоматизация и механизация» находилась в северном крыле главного учебного корпуса. Когда-то это была лаборатория одной из кафедр машиностроительного факультета, однако после того как у факультета появилось своё собственное здание, все кафедры перебрались на новое место жительства, но, как это часто бывает, кое-кто попытался оставить за собой часть площадей по старому адресу на Второй Бауманской (Коровьем броде – старое название улицы, на которой располагается главное здание института). Не знаю почему, но мне оно больше нравится, чем нынешнее. Может быть, оттого что нынешнее возникло как-то по-чуждому.

На соседней улице, параллельной нашей, когда-то трубой убили большевика. Нехорошо, конечно, тем более трубой – как-то по-босяцки, с другой стороны, он тоже был не пряник медовый – бузотёрил всё ж таки супротив батюшки царя – многие не одобряли. Ну, ладно, нравился он студентам, вот и переименовали ту улицу соседнюю в Бауманскую, признали убиенного большевистским страстотерпцем, в честь него и переименовали, но нашу-то зачем переименовали, да ещё ярлык «вторая» приклеили?

Так о чём я? Ах да, вспомнил, о кафедрах... Так вот, оставшимся приходилось делиться – таким образом и перепало нашей кафедре порядка ста метров первого этажа «циркульной», или «высотной», части главного учебного корпу-

са Московского высшего технического училища, идея создания которого принадлежала императрице Марии Фёдоровне, повелевшей еще в 1826 году учредить «большие мастерские для разных ремесел». Для них итальянским архитектором Д. И. Жилярди был перестроен сгоревший в 1812 году императорский Слободской дворец. В центральной части здания расположена многофигурная композиция «Минерва» (работа скульптора И. П. Витали), символизирующая союз искусства и техники под покровительством мудрости.

А та часть главного корпуса, в которой располагалась лаборатория, куда я явился в девять утра восьмого декабря тысяча девятьсот семьдесят пятого года, была построена в 1949–1960 годах. Вход в помещение секции предварял небольшой неотапливаемый тамбур, в котором стоял пневматический молот, за дверью секции был широкий коридор, справа в нём были три умывальника, с левой стороны находилась лестница, ведущая на второй этаж, под ней на стене были закреплены вешалки для верхней одежды студентов. Минувя коридор и спустившись по лестничке в три ступени спустившись ты попадал в небольшой зал с высокими пятиметровыми потолками, где располагались учебный класс, оборудованный учебной доской, диа- и кинопроекторами и партами со встроенной системой автоматизированного контроля знаний на тридцать человек; учебная мастерская, оснащённая тремя малотоннажными кривошипными прессами, древним гидравлическим прессом, судя по всему,

вывезенным из Германии с оказией после Первой мировой войны; пресс «Удар» для электрогидравлической штамповки и разрывная машина; небольшая мастерская, где размещались фрезерный и токарный станки, сварочная машина для контактной шовной роликовой сварки и небольшое закрытое помещение площадью метров шесть-восемь. В зале была небольшая антресоль, с комнатами преподавателей, инженеров и учебных мастеров.

Я бывал уже в этом помещении, однокашник мой вузовский – Володька Павлов – работал в этой секции во время учёбы, благодаря ему мы там раза два-три собирались отметить какой-нибудь праздник своей институтской группой, свалив с занятий. Случалось у нас такое.

В комнате преподавателей сидел заведующий секцией, с которым я беседовал месяц назад относительно моего перехода на работу в МВТУ, и крупный, полный парень лет двадцати восьми – тридцати. Я подошёл к столу, увидев меня, Николай Иванович улыбнулся, встал, протянул руку.

– Олег, привет! Ну что, уволился, всё в порядке, трудовая с собой?

– Да, всё нормально, с собой.

Ляпунов вышел из-за стола, подвёл меня к парню, стол которого располагался по диагонали напротив.

– Познакомься, формально это твой руководитель – наш заведующий лабораторией Чиков Сергей Николаевич. Познакомились:

– Сергей.

– Алек.

– Ну, пойдём оформляться, – сказал Николай Иваныч, и мы двинулись оформлять меня на работу.

Начало декабря, было не очень холодно, но и опять же не май месяц – лёгкий снежок, ветерок, я-то был одет по-зимнему, а Николай Иванович надел ондатровую шапку на голову и ломанулся по холодку в костюмчике по двору, я вслед за ним.

Заскочили сначала в отдел кадров – там он взял пару каких-то бланков, затем снова во двор.

– Тут короче, – сказал Иваныч, и мы двинули по двору к основному помещению нашей кафедры.

Мне казалось, что за шесть лет учёбы в Технилице я в целом неплохо изучил здание главного учебного корпуса, но с Николаем Ивановичем я узнал ещё пару новых для меня ходов. На кафедре он посадил меня за один из пустующих столов, я заполнил бланки и заявление о приёме на работу, с которыми он забежал к завкафедрой. Получив визу, мы пробежались ещё по каким-то кабинетам, уже по его делам, заскочили снова в отдел кадров – оформление закончилось, и вернулись в секцию.

– Приказ будет завтра – послезавтра, но это неважно, – сказал Николай Иванович, – оформлен ты сегодняшним числом, завтра тебе нужно принести фотографию три на четыре на пропуск.

Тут откликнулся завлаб Серёга:

– Да не надо, фотки сейчас сами сделаем. Саш, подойди.

Из комнаты учебных мастеров вышел парень примерно моего возраста, как потом мы разобрались, на пару лет моложе, познакомились, он нырнул в маленькую дверцу справа от стола Чикова и появился оттуда с гэдээровским фотоаппаратом Praktica, ценившимся среди советских фотолюбителей, не Leica, конечно, но и не ФЭД. Усадил меня спиной к кульману, стоящему около стены, прикнопил для фона чистый лист ватмана, сфоткал и снова прошмыгнул в маленькую дверцу.

Николай Иванович окинул взглядом комнату и сказал:

– У нас один доцент – Зафир Идрисович – в командировку в Алжир уехал на три года, садись пока за его стол, вернётся – разберёмся. Бумаги его пока в шкаф сложи.

Я сложил бумаги Зафира в шкаф, стоящий по торцевой стене, и занял его большой двух тумбовый стол. К этому времени из фотолаборатории, которая скрывалась за маленькой дверцей, появился Александр с двумя фотографиями три на четыре:

– Держи, только надо подсушить.

Я взял у Сашки мои фотки и прикатал их круглым карандашом Чикова на стекле, разделяющем комнаты преподавателей и учебных мастеров. Сашка одобрительно хмыкнул:

– У меня вообще-то глянецватель есть, но из-за двух таких фоток его раскочегаривать...

– Для пропуска и так сойдёт.

На следующий день я получил пропуск.

Рабочий день мой начинался в девять, с утра я добирался на работу обычно на метро – пять остановок, две пересадки и пешочком до и от метро, по времени это составляло сорок пять минут.

Определив мне место, Ляпунов снова умчался по своим делам, а я уселся за стол и стал бесцельно глядеть по сторонам. Через час стало ясно, что выгляжу я полным болваном, вдобавок моя деятельная натура стала изнемогать от такого тупого времяпровождения. Чтобы как-то исправить эту глупую ситуацию, я взял из шкафа за моей спиной пару каких-то книжек по обработке давлением и стал их читать.

Проблема моя была в том, что весь мой предыдущий одиннадцатилетний опыт работы был таков, что меня нагружали, как только я появлялся на рабочем месте. В первый мой рабочий день в Технилище заведующий секцией объяснил, что наш завлаб, формально являющийся моим начальником, наблюдает только за режимом присутствия инженеров и учебных мастеров на рабочих местах, а фактически я буду трудиться под началом руководителя темы, но кто он, этот загадочный руководитель, не сообщил. Я сидел, листал книжки, поглядывая по сторонам, в комнате появлялись какие-то люди, смотрели на меня с интересом, наверно, думали: «Что за странный тип?» Работали за столами, снова уходили, приходили, беседовали друг с другом, а я сидел, читал

книжки. Николай Иванович тоже появлялся, что-то быстро записывал, просматривал и снова убежал куда-то.

Поразмышляв – времени на это у меня было больше, чем у любого из работавших в секции, – я понял, что острой нужды в инженерах, о которой говорил Кондратенко, в секции нет, а раз так, то и работы для меня, скорее всего, тоже нет, и стал подумывать о том, что не стоит ли мне вернуться в родной НИИТавтопром. Был, конечно, у такого варианта один неприятный психологический момент – возвращаться придётся как побитой собаке – с поджатым хвостом. Знал, что будут рады, но всё же...

Но прежде, чем решиться на такой шаг, пришла здравая мысль – раз уж я появился на работе, надо прописаться. Я позвонил Володьке Павлову, чтобы проконсультироваться, к кому мне обратиться для организации этого мероприятия, Вовка сказал:

– Переговори с Буяном – Юркой Буяновым, он всё организует.

На следующий день я подошёл к Буяну, мы были шапочно знакомы – я его неоднократно видел с Володькой Павловым, присутствовал при их разговорах, а он знал, что мы учились с Вовкой в одной группе.

– Юр, мне как бы прописаться надо, подскажи, как и что. Юра повеселел.

– Пойдём к Николай Иванычу.

Мы подошли к сидящему за столом Ляпунову.

– Николай Иванович, вот наш коллега новый хочет проставиться по случаю прихода на работу, когда можно будет организовать?

– Так, тридцать первое у нас в среду – там кафедральные будут мероприятия, понедельник, вторник тоже не очень получается. А давайте на пятницу, пропишется, и заодно и Новый год отметим, чуть пораньше не страшно, идёт?

– Да, конечно, замётано.

Сидящий за столом, стоящим сбоку от стола Ляпунова, мужчина, звали его, как я вскоре узнал, Виталий Дунаевский, оживился:

– Правильное воспитание у молодого человека, сам инициировал мероприятие, сработаемся.

Он встал, протянул руку.

– Виталий.

– Алек.

– Николай Иванович, а кем у нас Алек трудиться будет?

– Старшим инженером, шестёрку закончил в этом году, вечернее отделение. Кондратенко рекомендовал.

– Ну, если Кондрат рекомендовал, то конечно. Вечерник, значит, опыт производственный имеет, такие люди нам нужны. А что ты всё читаешь сидишь?

– Да не знаю, чем заняться, жду, когда руководитель мой придёт, скажет, что делать.

Виталий расхохотался.

– Это тебе долго ждать придётся, а мы тут все сидим в

неведении, что тут за читатель образовался. Николай Иванович, так у кого парень-то работать будет?

Николай Иванович посмотрел на меня с удивлением.

– А я разве тебе не сказал?

– Нет.

– Совсем закрутился. Значит, так, у нас тут три научных направления: вальцовка в штампах, научный руководитель этой темы – Зафир Юсипов – он сейчас в Алжире, но ты можешь поговорить с Юрой Хациевым, он по этой теме заканчивает диссертацию, всё тебе расскажет в деталях; электрогидравлическая штамповка, руководитель – Легчилин Аркадий Иванович, вот за этим столом сидит, поговори с ним; пористо-сетчатые материалы, вообще-то руководитель темы я, но непосредственно, если соберёшься работать по этой теме, будешь работать с Кременским Ильёй, вон за тем столом сидит. Ты переговори с каждым, прими решение, чем тебе интересно будет заниматься, скажешь мне – и вперёд.

Включился свет.

Я поговорил с Юрой Хациевым – тема мне не покатила, вальцовка в штампе – это объёмное деформирование, а я не видел смысла менять специализацию.

Легчилин повёл меня вниз, открыл клетку, в которой находилось устройство для ЭГШ¹, разработанное и изготовленное им и его сотрудниками и аспирантами. Всё это впечатляло, но было понятно, что надо изучать всё, что касается

---

¹ Электро-гидравлическая штамповка.

взрыва или электроразряда в жидкости, заниматься электрикой, непосредственно установкой, и этому не будет конца. Я решил, что мне не стоит туда соваться – а long way. К тому же я не очень дружил с дисциплиной под названием «электротехника», знания мои были оценены скромненькой трочкой – не приведи господь, это ж лестричество, как шарахнет током – и чего? А у меня маленький сын, будет стоять в кроватке, тянуть ручонки, плакать и просить:

– Папа, хлеба.

А от папы – кучка пепла. Нет, как сказал классик: «Такой хоккей нам не нужен».

А вот разговор с Ильёй Кременским вселил в мою душу тихую радость – мне стало ясно, чем я буду заниматься в ближайшие годы. Сказать по совести, из чисто житейских соображений мне изрядно хотелось стать кандидатом побыстрее – начать кормить свою семью так, как это полагается делать мужику. Что ж поделать, жизнь есть жизнь, и, глядя на листы пористо-сетчатого материала и на отштампованные из них детальки, я понял – вот этим я и займусь. Ибо темна вода в облацех – слеплю по-быстрому какую не то работёнку, защищусь, стану приносить домой какие-то вменяемые денежки, а там, глядишь, займусь и серьёзно наукой, если почувствую, что у меня получается.

Приняв решение работать в группе пористо-сетчатых материалов, я сообщил об этом Ляпунову, Николай Иванович, изобразив на усталом лице радость от услышанного – дело

было ближе к концу рабочего дня, сказал:

– Ну и отлично, но этой темой у нас занимается несколько кафедр, и есть общий руководитель всей темы – Юрий Иванович Синяков, надо тебя ему показать. Ты не беспокойся, на сто процентов он будет за, но всё же согласовать твою кандидатуру будет правильно. Сейчас попробую вызвонить его – вдруг на месте.

Николай Иванович снял трубку телефона, накрутил на диске четырёхзначный номер, поговорил с кем-то и поднялся с места.

– Пошли, повезло, его поймать непросто.

Мы бодрым галопом двинули по двору в сторону кафедры, где в коридоре встретились с одиноко расхаживающим темноволосым мужчиной среднего роста лет пятидесяти. Николай Иванович представил меня нашему главному руководителю и растворился в редющей толпе заканчивающих работу и обучение сотрудников и студентов.

Юрий Иванович взял меня под руку, двинулся неожиданно быстро по коридору, задавая мне вопросы:

– Когда закончили институт? Какую кафедру? Есть ли опыт работы? Где работали? Чем занимались? Что можете рассказать о себе?

Темп его перемещения и скорость, с какой, он задавал не позволяли мне рассказать о себе что-то конкретное, поскольку каждый следующий вопрос он формулировал, не дожидаясь моего ответа на предыдущий. Поэтому я отвечал

примерно так:

– В этом году. АМб. Шесть лет. НИИТавтопром. Конструктор. Три авторских свидетельства.

Услышав про изобретения, Юрий Иванович остановился.

– Номера помните?

Тут я, мягко говоря, опешил. Был в полной растерянности, мне в голову не могло прийти, что кто-то может по номеру идентифицировать изобретение и составить о нём мнение, вот просто так, на память, стоя в коридоре. Юрий Иванович глянул на моё замешательство и великодушно сказал:

– Неважно. Передай Николаю Иванычу, что я согласен с твоей кандидатурой, – и, не прощаясь, таким же быстрым шагом ретировался.

На следующий день я сказал Илье:

– Ну что, будем работать вместе?

Было ясно: он меня не знает, не очень понимает, откуда этот прыщ нарисовался на ровном теле спаянного коллектива, и я ожидал чего-нибудь нейтрального, вроде «Давай попробуем», но Илья вполне радушно ответил:

– Хотелось бы.

Это в некотором роде был для меня аванс, так и началась моя работа в МВТУ им. Баумана.

В сущности, практически сразу после моего выхода на работу в секцию ОД² кафедры МТ 13 мне стало понятно, что опыт и навыки, полученные за годы работы конструктором,

---

² Секция обработки давлением.

мало пригодятся на моей новой работе. Надо сказать, что слова Николая Ивановича – нашего заведующего секцией, сказанные мне при нашей первой встрече, о том, что в работе в секции больше пригодятся мои слесарные навыки, оказались провидческими – половину своего времени ближайшие полгода я занимался простейшими слесарными и близкими к ним работами. Но тогда я не заморачивался этими мыслями, мне было интересно попробовать себя в новом деле, и я начал всё практически с чистого листа. Конечно, я размышлял, принимая решение о переходе, сомневался в правильности такого поступка. Но, приняв решение, не колебался и впоследствии ни разу не сомневался в его правильности.

Из желания немного прихвастнуть я подготовился к нашему первому разговору с Ильёй, для чего приволок журнал «Технология автомобилестроения» со своей единственной статьёй о транспортёрах, которые я клепал в НИИТавтопроме, и три авторских свидетельства, Илья взял, полистал, уважительно покивал, что-то спросил и вернул мне мои бумаги. Я понял, что совершил глупость. Зачем я всё это приволок, какую цель преследовал? Если похвастаться, то особенно нечем, три изобретения в соавторстве, и что? Статейка – вот уж невидаль, и как всё это поможет в той работе, которой мне только предстоит заниматься? Да никак. Да и никому не интересно, чем я занимался и как успевал на прежней работе, важно, как я буду работать по тем заданиям, которые мне предстоит выполнять.

Микроклимат в коллективах, имея в виду свою прежнюю работу и нынешнюю, был различен. В НИИТавтопроме ощущался некий флёр сплочённости, какой бывает в коллективах, выполняющих общую работу. Не скажу, что мы мчались на работу с горящими глазами, но что-то возникало в воздухе, особенно когда выходили по субботам на сверхурочку – гнали работу по КАМАЗу. На кафедре такого ощущения не было – у каждого профессора или зачастую доцента своя тема, своя небольшая группа, свои проблемы и победы.

Первое дело, которое мне поручил Илья, – просверлить в паре алюминиевых дисков уйму круглых дырочек, они были заготовками для штамповки-вытяжки – упрощёнными моделями пористого тела. По изменению формы отверстий можно было примерно судить, какие изменения произойдут в отштампованной заготовке из пористо-сетчатого материала.

Работа была простецкая, но нудная. Своего сверлильного станка у нас в секции не было, работал я на шестёрке – на кафедре, которую заканчивал. Пока сверлил, пообщался со всеми своими прежними преподавателями. Каждый, кто знал меня, подошёл, поздоровался, поинтересовался, как я очутился здесь, и, узнав, что я теперь работаю на дружественной кафедре, одобрил мой приход в МВТУ, и, поглядев, чем я занимаюсь, похлопал меня по плечу, заявив:

– Да, все мы с этого, или примерно с этого, начинали. Да и сейчас постоянно приходится, так что не парься.

А я и не парился, воспринимал это вполне как вполне

естественное занятие, ясно представлял, что лицу, причастному к научно-технической деятельности, своими руками придётся поработать изрядно. Я понимал, что это прошлый удел всех нынешних профессоров и доцентов, что всем им пришлось в своё время попрыгать за станками или слесарными тисками.

После этого я занялся резкой металлической сетки и мытьём её в бензине – то ещё занятие.

Где-то числа пятнадцатого декабря Илья сообщил мне, что у них в группе ПСМ существует такая традиция – отмечать вместе все основные праздники: Новый год, Первомай и прочие, и если мне это интересно, то я могу присоединиться ко всем. Такса за участие в торжестве – взнос в размере десятки с пары. Есть ещё такой порядок – пара, принимающая гостей у себя, дома готовит основное блюдо, кому-то поручают закупку горячительных напитков, кто-то готовит и привозит с собой салат. Но поскольку главный координатор праздничных застолий – Саша Тележников – болен, то львиная доля хлопот приходится на плечи их семьи, а моё дело – если мне это нам интересно – внести чирик.

Я согласился сразу – ещё бы, такая возможность увидеть сразу всех членов группы, а главное – пообщаться в неформальной обстановке. Червонец обещал принести завтра. На следующий день я отдал Илье десятку, получил адрес его квартиры где-то на Ленинском проспекте и в ближайшую субботу часа в четыре дня мы тряслись с Милкой в автобу-

се, следовавшем от станции метро к дому Ильи. Протиснувшись в середину автобуса, мы наткнулись на Юрия Ивановича Синякова. Я бодро поздоровался:

– Здравствуйте, Юрий Иванович. Это моя жена.

Милка скромно протянула ладошку «лодочкой».

– Люда.

Юрий Иванович приосанился.

– Юра.

Ехали мы молча, я не решался простецки заговорить с большим учёным, а Людок вообще не очень разговорчива с людьми малознакомыми, а уж с незнакомыми и вовсе. Кроме того, я рассказал ей, что едем на посиделки в компанию научных работников, а Юрия Иванович – это вообще большой учёный – светило в научном мире, и она слегка робела.

Когда мы слезли на остановке и двинулись в одном направлении, Юрий Иванович изрядно удивился и спросил:

– А вы что, тоже туда идёте?

– Да, Юрь Иванович.

Юрий Иванович задумался и всю дорогу молчал, видно, вспоминал, кто я такой и откуда его знаю.

Народа собралось человек десять, из знакомых мне были только Илья Кременский и Ляпунов, был ещё, конечно, Юрий Иванович, но он поначалу явно сомневался, что мы с ним знакомы, впрочем, это быстро перестало его беспокоить. Из новых для меня лиц запомнились Генка Павлушкин и Сашка Баринов – весёлые, молодые, подтянутые, задорные.

Нужные.

Посидели весело и выпили изрядно. Юрий Иванович основательно перебрал и матерился как сапожник. Людмила глядела во все глаза на нашу развесёлую компанию. Возвращались мы довольно поздно, народа в метро было немного, мы сидели на скамейке в вагоне, и Люда с изрядной долей сарказма произнесла:

– И это те самые учёные, про которых ты мне рассказывал?

– Да нормальные ребята, ну, расслабились немного, что страшного-то?

– Ну да. А самый нормальный – это руководитель ваш, Юрий Иванович, сразу видно – большой учёный.

Нет, ну, не понимают бабы нас – больших учёных.

В пятницу днём мы с Юркой Буяновым шустрили на Лефортовском рынке, взяли солений, квашеной капустки, чесночку, в магазине колбаски, каких-то консервов и, конечно, водочки – Новый год же на носу, надо отметить, опять же мне надо прописаться. Я, признаться, чуть не испортил народу праздник – увы, летели назад как два паровоза, я поскользнулся, а в руках у меня портфель с живительной влагой, но Юра был начеку и, несмотря на то что у него правая рука тоже была несвободна, подставил левую в том месте, где спина теряет своё благородное название, и как на лопате выпихнул меня со льда. Обошлось. Посидели хорошо.

В начале января я первый раз участвовал изготовлении

пористо-сетчатого материала.

Технология его изготовления была такова. Бралась металлическая сетка различных типов плетения из нержавеющей стали аустенитного класса: тщательно промывалась с целью очистки её от загрязнений, могущих препятствовать послойной сварке слоёв; нарезалась, как правило, прямоугольными фрагментами, которые складывали в стопку. С двух сторон стопку обкладывали пластинами нержавеющей стали, плохо сваривающейся со сталью аустенитной и обычной малоуглеродистой конструкционной. Стопку помещали между двумя листами малоуглеродистой стали большего размера, которые сваривали по периметру в закрытый пакет на машине контактной шовной сварки. В одном из листов пакета заранее устанавливался штуцер с двумя уплотняющими прокладками из вакуумной резины. Затем проваривали шов между штуцером и стопкой сеток, откачивая воздух из пакета вакуумным насосом; после чего отрезали на гильотинных ножницах части пакета со штуцером; осуществляли горячую прокатку пакета; далее разрезали пакет и извлекали лист пористо-сетчатого материала.

Именно для этих целей и стояли у нас в секции машина контактной шовной сварки и вакуумный насос, и именно с целью поработать на них пришёл к нам в январе один из участников нашей пористой братии – Виктор Макарович. Зашёл в секцию, поговорил с Ильёй, рассказал, что ему нужно десяток образцов заварить в пакеты. Ильёе тоже нужен был

пяток образцов, а мне надо было поработать на оборудовании и разобраться, как это всё происходит. Так всё у нас и сладилося.

На следующий вечер (днём такие работы мы проводить не могли – мешали учебному процессу) Макар, так мы называли Виктора заглазно, пришёл к нам в секцию, мы на пару заварили все образцы, какие планировали. Работа эта оказалась несложной и особых навыков не требовала, катать пакеты договорились на кафедре прокатки на следующий день.

Утром следующего дня я ходил на кафедру сварки – там у меня приятель работал учебным мастером, мы с ним вместе учились на рабфаке, поступали вместе в институт – он провалился, наверно, возраст помешал – ему уже тогда было под сорок, взял на время с его помощью тележку, загрузил на неё пакеты, приволок их к гильотинным ножницам, отрезал части со штуцерами и привёз назад в секцию.

Макар пришёл вечером – катать заготовки для любых целей, кроме учебных, также можно было только по вечерам, по тем же причинам, что и у нас. Приволокли вдвоём наши заготовки-пакеты на кафедру прокатки, сели ждать – печь не разогрелась до нужных $1\ 250^{\circ}\text{C}$. Потрепались, потом, когда подошла печь, Макар – по виду он был постарше меня лет на пять – настроил стан на нужный размер, заложил кузнечными клещами в неё пакет, сверху на пакет положил найденный рядом лист нержавеющей стали. Я поинтересовался:

– А зачем сверху лист нержавеющей стали?

– Тэны нагревательные сверху – пакет сверху быстро разогревается и сильно окисляется от лучевого нагрева, на поверхности окалинка образуется, она потом при прокатке впечатывается в пакет, и на листе ПСМ тоже её следы, сглаженные, но бывают. А нержавеечкой прикрыли – и на пакете окалины не будет.

Подождав десять минут, открыли заслонку и увидели на поде печи блестящее зеркало расплавленного металла.

Макар стоял с открытым ртом, оцепенев, я, хотя впервые принимал участие в подобном действе, понимал, что расплавиться пакет не должен был, и спросил:

– Температуру в печке, что ли, перепутал?

– Да какой там, она 1 200°С даёт с трудом, ничего не понимаю.

Через пару минут Макар пришёл в себя, деловито закрыл заслонку, выключил печь, стал собирать пакеты.

– Быстро забираем своё барахлишко и сваливаем, никому ни гу-гу, что мы с тобой здесь были сегодня. Я вообще на пару дней затихаюсь, подумаю – надо понять, что произошло. На работе, если спросят, почему не катали, скажешь, что я не пришёл.

Не помню, что я сообщил Илье о том, почему не удалось прокатать заготовки, то ли наврал, что Макар не явился, то ли рассказал всё как было и передал просьбу Макаровича не говорить никому. Кстати, он сам появился через неделю, рассказал причину, по которой расплавился пакет – оказы-

вається, он накryл его не нержавейкой, а листом титана, титан при температуре выше $1\ 200^{\circ}$ начал взаимодействовать со сталью, что привело в итоге к образованию эвтектики и, как следствие, к расплавлению, так как температура плавления эвтектики железо-титан $1\ 085^{\circ}\text{C}$.

Катать пакеты стало негде – на прокатке было две печи: у одной после нашего с Макаром визита надо было отремонтировать футеровку пода, у второй сгорели все нагревательные тэны.

Я потихонечку адаптировался в коллективе, познакомился со всеми.

Аркадий Иванович Легчилин был трудягой: или копался со своими аспирантами в установке, или сидел за столом, что-то писал, просматривал негативы фотоплёнок, графики, расчёты.

Владимир Солдатенков выглядел убедительно, говорил твёрдо, уверенно, производил впечатление. Мужик был, безусловно, порядочный, но, по моему мнению, неглубокий.

Хациев Юрий Харитонович – на пару лет постарше меня, просто красавец: умный, тонкий, чёткий, со стержнем, абсолютно порядочный, чрезвычайно одарённый и при этом чувствующий себя как рыба в воде в любой компании.

Завлаб наш Серёжа Чиков, на пару лет постарше меня, учился тоже на вечернем, заканчивал шестёрку в этом году. Крупный, толстый парнишка – играл когда-то в баскетбол, имел, если не ошибаюсь, первый разряд, как завлаб был

на уровне, бывало, в плохом настроении «играл в начальни-ка», но в целом был мужик не зловерный, мы с ним ладили вполне нормально. Был заядлым шахматистом, бывало, про-хаживался по секции, сцепив руки за спиной, потом кивал мне и негромко:

– Сыграем?

Я бросал работу, мы садились, как правило, в комнате учебных мастеров и резались в шахматы, иногда часа по полтора-два – играли примерно в одну силу и были азартны оба.

Было на момент моего прихода четыре учебных мастера: двое в возрасте – дядя Федя Плахов – отец Валентина Плахова – и Алексей Петрович, обоим было за шестьдесят, Сашка Кузьмин и Толя Макаров, оба молодые, толковые и ответственные ребята. Валентин Плахов – ассистент, отличный парень, говорун, интеллектualan и изрядный раздолбай, работал в группе Юсипова, занимался вальцовкой в штампах, их технология, кажется, проходила экспериментальную апробацию на почтовом ящике в Москве, и Валентин частенько пропадал там.

Кроме меня, в секции был инженер Валерка Стратьев. Он был на пару лет моложе меня, кончил институт на год раньше, поначалу работавший на теме Юсипова, потом начал трудиться с Легчилиным, занимался электрогидравлической штамповкой.

Я потихонечку пытался разобраться, что это за штука – пористо-сетчатый материал, для чего из цветного пластили-

на сделал увеличенную модель металлической сетки – нака-
тал «колбасок», имитирующих в десятикратном масштабе
утки и основы наиболее часто употребляемой сетки, сплёл
несколько слоёв пластилиновой сетки, поместил их так, как
мы складывали перед прокаткой, для того чтобы слои не
склеивались, переложил слои резиной, нарезанной из пре-
зервативов – тоньше не нашёл, нашёл потолще книгу в твёр-
дом переплёте и начал постадийно деформировать свой пла-
стилиновый ПСМ, разбирая его на части и разглядывая, как
происходит деформация элементов сеточной структуры в
местах контактирования слоёв.

Илья с интересом наблюдал за моими действиями, а я, по-
развлёкшись подобным образом, пришёл к мысли, что, ско-
рее всего, я занимаюсь не тем – целая кафедра прокатки кол-
дует над созданием пористо-сетчатого материала, так им и
карты в руки, а мне надо, пожалуй, начать исследовать, как
ведёт себя готовый материал при деформировании.

В середине апреля, когда за городом сошёл снег, позвони-
ла тёща, была на нерве:

– Алик, Алик, – кричала она, – на даче фундамент укра-
ли...

– Лидия Ивановна, ну что Вы глупости говорите? Вы
представьте его себе, ну как его можно украсть?

Целиком фундамент был высотой около полутора метров
– как его украсть? На ленточном, бетонном, армированным
двухсотым швеллером основании, в заливке которого под

руководством деда принимали участие все взрослые члены семьи, друг деда выложил кирпичную метровую кладку.

– Нет, украли, украли. Мы с дедом на даче были – фундамента нет.

Было понятно – не понимает, сказывается нехватка образования не только технического, но и среднего школьного.

– Лидия Ивановна, Виктора Владимировича дайте к трубке.

Тёща передала трубку деду.

– Бать, ну, ты-то понимаешь, это же бред.

– Да, конечно, что они, бабы-дуры, понимают.

Тут дед замялся, понизил голос. В голосе появилось какое-то неуверенное придыхание:

– Алек, но фундамента-то нет.

– Бать, ну, копнул бы. На болоте же строим – утонул.

– Алек. Я копал – нету.

По его опасно-осторожной интонации я понял – тесть попал под влияние бабкиной истеричной реакции на отсутствие фундамента и тоже поверил, что его спёрли, может быть, не до конца, был в состоянии «верю – не верю». Не понимает, как это сделали, но считает, что бабка, возможно, права. Ясно было, что словами их не убедить – надо ехать на дачу:

– Ладно, давай скатаем в субботу на дачу.

Дед оживился, ему явно было нужна поддержка:

– О! Отлично, подходите к нам с утра.

Поездки на дачу стали происходить повеселее, что-то произошло с сознанием тестя – может быть, ранняя беременность и замужество второй дочери, или что-то ещё, но дед бросил пить. Зарабатывал он весьма прилично и через год купил «Запорожец».

На дачу в субботу мы прикатили с комфортом – на машине. Фундамента не было – на том месте, где в прошлом году я копал под него яму, а потом мы с дедом мастерили опалубку и заливали бетон, была ровная болотистая лужайка. Тёща, воодушевлённая своей правотой, скакала по участку, выдвигая бесчисленное количество версий кражи.

Меня разбирал смех, хотел поначалу слупить с деда что-нибудь за ранний подъём, утренний субботний сон – самый сладкий, но поглядел на него – и мне стало его жалко.

– Ладно, сейчас поищем, давай, тащи лопату.

Лопаты перед зимой дед прятал в только одному ему известные места. Деревенские колдыри пёрли всё, что могли найти.

Дед принёс лопату.

– Напомни, где копать.

Дед помнил расположение фундамента с точностью до нескольких сантиметров.

– Копай здесь.

Я копнул пару, потом ещё, углубился ещё где-то на лопату – фундамента не было. Тесть обречённо произнёс:

– Вот видишь, мы ж тебе говорили.

Тёща стояла рядом, на лице её одновременно сияло торжество от подтверждения её прозорливости, горе от потерь финансовых и времени на строительство и жалость, жалость к этому несмышлёнышу, сиречь ко мне, который каждый раз оспаривает её бесспорные предположения. А я копал дальше, на глубине сантиметров сорока лопата наткнулась на фрагмент кирпичной кладки. Я стал расчищать её, мельком поглядывая на тестя, на лице его удивление сменялось выражением невообразимого счастья. Расчистив кусочек длиной сантиметров тридцать, я повернулся к тестю.

– Ну чего, нашёлся фундамент?

– Да я всегда был уверен: что они, бабы эти, понимают в строительстве?

Теща на всякий случай ретировалась на другой конец участка – стала изучать с Милкой, которая сразу пошла к забору, как перезимовали саженцы смородины.

Мы с дедом отпилили от какого-то бруска четыре колышка равной длины, забили в углах до кладки фундамента – решили прикинуть на глазок, равномерно ли он утонул. Оказалось, что да – просел ровнёхонько, летом перемерили с гидравлическим уровнем – фундамент стоял ровно. Приятель деда выложил ещё метра полтора кирпичной кладки от того уровня.

После следующей зимы он снова утонул, но уже на глубину метр, не больше – торчал над землёй сантиметров на сорок пять и встал намертво. За следующие тридцать лет, что

мы прожили на этой даче, он просел сантиметров на пять – после того как на него поставили дом.

Где-то в мае Юра Хациев поинтересовался у меня:

– Слушай, а ты, часом, в большой теннис не играешь?

– Нет, не приходилось, в настольный играл более-менее неплохо.

– А не хочешь попробовать? А то ищу партнёра, не с кем покидать.

– Да я бы с удовольствием, только какой из меня партнёр? Потом, у меня ракетки нет.

Тут в разговор вмешался Илья, работавший за своим столом:

– Олег, у меня тётка в большой теннис играла до войны, её ракетка у нас осталась, давай я её тебе принесу? Ракетка старая, но поиграешь пока, чего тебе сразу новую покупать. Вдруг не понравится, а ты уже потратился.

На том и порешили. На следующий день Илья принёс мне ракетку для большого тенниса его тётки. Ракетка была изготовлена в предвоенные годы – струны из бычьих жил, но попробовать наверняка было возможно. Я прикупил себе спортивные трусы, маечка у меня была, и через пару дней мы с Юркой были в Сокольниках на СО «Связист» – спортклуб МВТУ арендовал там корты.

Хациев показал мне правильный хват, технику удара справа и слева, и стал я потихонечку втягиваться в большой теннис – игра мне понравилась очень, подсадил меня Юра

на неё на много лет.

Ракетка моя произвела большое впечатление – ржал весь теннисный бомонд кортов «Связиста», каждый подошёл, потрогал и выяснил, почему я решил начать играть именно такой ракеткой. А мне было фиолетово – играл я ей полтора года, пока не понял, что пора брать современную. Ракетку отнёс Илье, она долго лежала в секции, потом пропала, позже я жалел, что не оставил её себе, – раритет.

Тем летом я много свободного времени проводил в Сокольниках на кортах. Когда Юрка уехал со студентами на практику, ездил один – приедешь, садишься на скамейку, ждёшь минут пятнадцать. Обязательно или игровая пара у кого-нибудь разбежится – лето летом, а дел у всех хватает, или придёт один непарный игрок, но партнёр так или иначе находился.

* * *

В листовой штамповке много технологических операций, но если не иметь в виду разделительные, то среди формообразующих основными являются гибка, вытяжка, отбортовка, обжим и раздача. Илья занимался вытяжкой, а я, обсудив с ним, чему, по его мнению, мне стоит посвятить свою будущую научную работу, решил приступить к изучению специфики гибки пористых сетчатых материалов. Было понятно, что для того, чтобы в голове зашевелились какие-то мысли,

надо набрать массив сведений о поведении материала при штамповке.

Напроектировал гибочных пуансонов и матриц с различными радиусамигиба и договорился с приятелем – одногруппником Борькой Илькиным, работавшим мастером инструментального цеха на экспериментальном заводе ЦКБ «Луч», на котором и я успел потрудиться инженером год с небольшим, что он изготовит их у себя в цехе. Было бы правильнее изготовить и оплатить их по договору между институтом и заводом, но поскольку это был «почтовый ящик» – объединение занималось разработками секретного характера, то заключить договор на изготовление было исключительно сложно, всё делалось на основе личных контактов.

Изготовленный инструмент Борис метал мне из окна кабинета начальника цеха – приходил на работу за полчаса до начала, открывал форточку и кидал мне свёртки с инструментами – благо что здание его цеха находилось в паре метров от забора, а окно начальника цеха находилось примерно на уровне третьего этажа. Я стоял метрах в десяти от точки их приземления, так как свёртки при ударе об асфальт разрывались с грохотом и пуансоны разлетались как осколки снаряда осколочно-фугасного действия. После этого я, насколько мог быстро, собирал разлетевшийся инструмент, складывал в сумку и бегом удалялся с места, поскольку опасался, что заводская охрана может заинтересоваться происходящим за её забором – благо что заводская проходная и

ворота были с противоположной стороны периметра ограждения.

Все наши с Борькой действия – это, извиняйте, хищение в составе группы с оборонного предприятия. Да во времена оны это десять лет без права переписки, и кто вам сказал, что они прошли? Ну, нет с нами Лаврентий Палыча, и что? Все ученики его живут и процветают.

Прокатило, не для себя же старался – за ради Родины, а сам за долю малую, так, может, в будущем ребятишкам на молочишко перепадёт.

За три таких операции я получил достаточное для работы количество инструмента и стал собирать исследовательский стенд. В этой моей деятельности мне очень помогли учебные мастера – Сашка Кузьмин где-то раздобыл и приволок штамповый блок, который я дооснастил универсальной системой крепления гибочных пуансонов и матриц, с ним же мы изготовили и оттарировали месдозу с тензометрическим датчиком для определения усилий штамповки. Толя Макаров, хорошо владеющий токарным станком, помог изготовить датчик перемещения верхней плиты штампа. С помощью двух этих несложных приспособлений и осциллографа появилась возможность определять и записывать изменение усилия, необходимого для гибки испытываемых образцов, по ходу деформирования.

Испытательный стенд был готов, осталось накатать образцов для испытаний, но увы – печи на прокатке стояли холод-

ными – и я догадывался, отчего это происходит.

Но не всё было так печально, ведь на Выксунском металлургическом заводе, основанном братьями Баташовыми в восемнадцатом веке, была и печь, причём куда солиднее, чем печурка на кафедре АМ 10, был и прокатный стан ДУО 300 или 400, не помню точно, где всё, что мне нужно, можно было изготовить и давно уже катали, и, главное, там был в командировке Саша Тележников – старший инженер «десятки» нашего факультета, который мог меня осведомить, провести со мной курс молодого бойца-вальцовщика. Мы потолковали с Ильёй, ему тоже надо было изготовить несколько образцов, я намыл и сложил кучу сеток для себя и для Ильи, выписал командировку и отправился в город Выкса.

Прямого поезда Москва – Выкса нет, ехать было удобно ночным поездом до станции Навашино, а от неё автобусом до Выксы, что я и сделал.

Утром дежурная в заводской гостинице сообщила, в каком номере живёт Александр, и, поскольку вторая койка в его номере пустовала, поместила меня в тот же номер. Саши в номере не было. «Умывается», – подумал я, взял полотенце, мыло и тоже пошёл умыться с дороги.

Гостиничный туалет был совмещённым: справа при входе было несколько умывальников, напротив располагались туалетные кабинки с низкими дверцами, в одной из которых виднелась голова рослого красивого парня, восседавшего с задумчивым видом на унитазах, как можно было предполо-

жить, в позе орла. До этого мы были незнакомы, но было очевидно, что это Тележников. Подходя к умывальнику, я обмолвился:

– Привет, я Олег, прибыл к тебе на подмогу.

Парень невозмутимо протянул мне руку.

– Саша.

Поздоровались, и лицо его снова приобрело отрешённое выражение. Я умылся и пошёл дожидаться его в номере.

Появился Сашка и огорошил меня известием, что он уезжает сегодня с руководством цеха на какую-то конференцию на три дня, рассказал, что я смогу сделать на заводе и как до него добраться. Мы вышли на улицу и распрощались до четверга.

Добравшись до заводской проходной, я два часа провалялся с оформлением пропуска – все смотрели на меня с удивлением, было ощущение, что я был первым командировочным, появившемся в проходной ВМЗ за многие годы, мне растолковали, как мне пройти, и я отправился в цех порошковой металлургии.

Начальник цеха со всей верхушкой был на конференции, и его секретарша перенаправила меня к мастеру участка порошковых фильтров – классному мужику. Он дал мне в помощь развесёлого паренька, который знал все нюансы нашего производства, но первым делом я пошёл обедать – в заводской гостинице не было буфета. Пообедав, мы с пареньком потихонечку приступили к работе: заварили пакеты. Уходи-

ли с завода вместе – он мне показал дыру в заборе, через которую попадал на работу весь цех, включая начальника. Все годы, пока ездил на Выксунский металлургический завод, а ездил я туда десять лет, я пролезал через эту дыру. Как я понял, отверстия в заборе были и рядом с остальными цехами, видно, поэтому так и удивлялись мне на проходной.

Вечером я решил перекусить в гостинице и отправился в магазин прикупить колбаски, молока и хлеба. Войдя в дверь, увидел в глубине магазина холодильную витрину, всю забитую товаром. Вспомнил супругу, которая уговаривала меня перед отъездом, взять с собой харчишек поболее – не уговорила, да и зачем? Вон, вся витрина забита. Подойдя поближе, я увидел, что весь товар продавался расфасованным в разноцветную фольгу в упаковках разной формы: в кубах, тетраэдрах, цилиндрах, сферах и прочих, но надпись на всех ценниках гласила: «Жир топлёный свиной». То есть весь ассортимент составлял только свиной жир, правда, топлёный. Я спросил:

– А молоко есть?

– Давайте талоны.

– А без талонов нельзя? Я командированный.

– Молоко только по талонам.

– А там колбаски или чего-нибудь вроде этого?

– В Москву езжайте, там точно купите.

– Так я из Москвы.

– С собой надо было везти, нас бы угостили.

– А где хлеб можно купить?

– Из выхода направо.

В булочной мне разъяснили, что белый хлеб может быть только в батонах и булках, но никак не буханках (я по неведению полагал, что это просто синонимы, я и сейчас так думаю), и продали нарезной батон. Ужинать не стал – жевать хлеб и запивать его водой показалось мне неинтересным занятием. Был у меня небольшой батончик сырокопчёной колбасы, но я решил оставить его до лучших времён, или худших – как пойдёт. В следующие приезды я нашёл магазины с более богатым ассортиментом – были рыбные консервы – сайра в собственном соку и ещё что-то подобное.

На следующий день на заводе мне растолковали, что жить в городе и не голодать возможно, но рассчитывать на магазины не приходится, и у командированных один путь – столовые, которых в городе хватает. Ну а если есть деньжонки, так имеется ресторан и два кафе.

Мы с помощником закончили все дела, которые необходимо было сделать, чтобы подготовить пакеты к прокатке. Делать в цехе было нечего, и третий день я гулял по Выксе, хотя городок этот был невелик – за день я его протопал вдоль и поперёк.

Сашка появился в среду вечером, весёлый, отдохнувший, извлёк из сумки, лежавшей под кроватью, кипятильник, чай, сахар и бутылку водки, я достал батончик колбаски и хлеб. Проговорили бог знает сколько времени, около двух часов

ночи я начал заворачивать колбасу в пергамент, давая понять, что пора на боковую, но Санёк мягко забрал у меня её и начал разворачивать, давая понять, что есть ещё о чём поговорить, и так мы сворачивали и разворачивали её до утра. Говорили о чём, не помню, но темы находились.

Не ложась спать, пошли на завод, Сашка познакомил меня с начальником цеха Львом Сергеевичем Шмелёвым, с ним мы потом встречались частенько. Поговорили, катать раскалённый металл после бессонной ночи было стрёмно – решили пойти на пляж.

Поплавали, я подремал, пообедали в столовой, легли спать пораньше, встали поздно, перекусили в столовой, поболтались по городу – спешить нам было некуда, явиться в цех нам надо было к концу смены – из соображений безопасности катали мы по вечерам – народа было меньше.

Явившись в цех, первым делом включили печь, потом зашли к Шмелёву, что-то обсудили, затем ещё проверили, на какой размер катать каждый пакет, написали цифру на каждом пакете мелом, стали настраивать прокатный стан. На станине стана имеется шкала настройки зазора между прокатными валками, но из-за упругой деформации станины, выбора люфтов в подшипниках и прочих факторов перед прокаткой толщина заготовки после прокатки может немного отличаться от требуемой, поэтому порядок настройки стана был таков: настраивали стан по шкале на станине, а потом прокатывали нахолодно (при температуре окружающей

среды) несколько брусочков алюминия. Промерив их размеры после прокатки, подкорректировали настройку стана на нужный размер, начали переодеваться – надевать на себя защитную спецодежду.

Защитной спецодеждой, которую приходилось натягивать на себя формовщику – тому, кто закладывает заготовки в печь и после нагрева задаёт их в стан, являлась куртка формовщика (или спекальщика, прокатчика), сшитая из толстого брезента, обшитая кое-где изнутри фетром или войлоком, а снаружи – натуральной кожей в местах, подверженных максимальному нагреву при работе. Поверх надевался нагрудник, выполненный из толстого войлока, также обшитого натуральной кожей, с прикреплённым прямо к нагруднику шлемом, на руки надевались вачи – варежки, сшитые из толстого войлока и обшитые кожей. Вся эта амуниция весила килограммов десять-пятнадцать, не меньше.

Мне, как помощнику, достаточно было куртки спекальщика и рабочих рукавиц.

Задавались пакеты в печь клещами, которые от кузнечных отличались удлинёнными ручками, широкими плоскими губками и существенно большим весом.

Пакеты укладывали на стоящий сбоку от печи стул или табурет. Сверху на пакет укладывали лист нержавеющей стали. Формовщик приноравливался, захватывал клещами пакет вместе с лежащим на нём листом, в этот момент помощник поднимал заслонку печи, формовщик закладывал пакет в печь,

помощник закрывал заслонку. После того как пакет разогрелся до температуры прокатки – 1 250°С, помощник открывал заслонку, формовщик быстро сбрасывал на пол листок нержавеющей стали, лежащий на пакете, затем брал пакет и задавал его в работающий стан. Прокатанный пакет помощник брал клещами и выносил за ворота цеха. Клади подальше от входа, чтобы кто-нибудь случайно не наступил, к работе с ними приступали только на следующее утро.

Во все мои командировки в Выксу с Сашкой Тележниковым заготовки катал он – физически был намного крепче меня, я помогал. Позже, когда я ездил с кем-нибудь ещё, катал всегда я, просто по той причине, что у меня был изрядный опыт. Для того чтобы поднять и уложить пакет в печь, а затем в прокатный стан, какая-никакая силёнка требовалась. Бывало, поднимаешь клещами, вес которых килограммов до восьми и длина полтора метра, пакет весом десять-двенадцать килограммов, и кажется – немоготу держать на таком выносе вес, но тут же на расстоянии двух метров перед тобой распахивается жерло печи, откуда на тебя прёт температура за тысячу градусов, и у тебя начинает дымиться нагрудник и рукава куртки – тогда про вес забываешь. Забрасываешь этот пакет в печь легко, как почтовую бандероль, и так же легко достаёшь его оттуда и подаёшь в валки прокатного стана, как невесомый конверт из почтового ящика.

По приезду в Москву я нарубил из прокатанных листов ПСМ заготовок для исследования разной пористости и с раз-

ной укладкой по направлению к линиигиба, и стали мы с Сашкой Кузьминым на стенде испытывать, как ведёт себя материал, как изменяется сопротивление деформированию по ходу перемещения пуансона. Писали всё на осциллограф, я получил уйму материалов для размышлений.

* * *

Мишанька наш был на даче со своим детским садом, навещать отпрысков родителям разрешали по очереди, когда наступила наша, мы поинтересовались: что можно привезти? Нам объяснили и попросили привезти на всю группу тридцать одинаковых огурчиков. Пошли на рынок, ходили, выбирали, нашли самые лучшие, торговала женщина слегка под хмельком, мы попросили:

– Вы нам тридцать штук примерно одного размера не могли бы подобрать? Детишкам в детсад, чтобы не сорились. Едем сынулю навещать, ну и малышне к обеду по огурчику.

Женщина так умилилась просьбе, что бросила всю свою торговлю, перерыла весь свой товар и отобрала тридцать одинаковых ровненьких огурцов.

Летняя дача детского сада Минрыбхоза, в который мы затесались по благу, находилась в Подмосковье на берегу Москвы-реки. Добираться надо было минут двадцать на электричке, затем на автобусе с проездом через паром, после минут пятнадцать пешком. Но какое это имело значе-

ние, когда можно было увидеть наше солнышко? Михрютка наш слегка похудел, но выглядел свежо. Дача нашего детства располагалась в деревянном доме, скорее всего, это была старинная русская усадьба, реквизированная в двадцатых годах.

Договорившись с нашей воспитательницей, забрали сына и пошли с ним на берег Москвы-реки, сидели, расспрашивали Мишуту о его жите-бытье, хотя ему было не до разговоров – трескал как автомат арбуз, обгрызая мякоть до белой корки. Нагляделись на него, надышались, натискались, накормили – пора было возвращать сынулю. Привели его в садик, Мишка помчался играть с друзьями, а мы поехали домой.

* * *

Своё обучение на курсах английского решил притормозить, что-то не увидел пользы от посещения оных – я расслабился, сказывалась усталость, накопленная за шесть лет вечернего обучения, и смысла тратить дальше время на них я не видел.

На работе, поиграв с утра в теннис в Сокольниках, сидел, разбирал результаты гибки заготовок, расшифровывал записи осциллографа, строил графики, чертил и заполнял таблицы. Санька Кузьмин напечатал мне гору фотографий.

В сентябре Серёга Чиков сказал, что мне надо готовить-

ся к поездке на картошку. Пробормотав что-то неопределённое, я задумался, по большому счёту у меня была справка – маменька мне её состряпала в своей поликлинике. Справка эта освобождала меня от любой неприятной для меня работы, но, с другой стороны, я понимал, что это будет не совсем правильно по отношению к моим коллегам – чем я их лучше? Я решил посоветоваться с Сашкой Тележниковым, Санёк ответил:

– Я бы тебе посоветовал разок съездить – все ездили. Потом, там не так уж чтобы грустно, езжай, повеселишься, молодость вспомнишь.

И я поехал – Санёк дал мне очень правильный совет, я там перезнакомился с немалой частью факультетской молодёжи, со многими парнями из других секций нашей кафедры, веселей стало. Бывало, бежишь по факультету, бац – приятель, физиономия знакомая – на картошке были, пустячок, а приятно.

Работали мы в Зарайском районе, туда ежегодно для оказания шефской помощи отправлялся большой сводный отряд студентов и сотрудников МВТУ, трудились в деревнях с названиями Пронюхлово, Машоново, Мендюкино и Чулки-Соколово, нас определили, насколько я помню, в Машоново.

Жили мы в большом недавно построенном бараке, человек по семь-десять в комнатах. Удобства – как в пионерском лагере – на улице. Кормили в совхозной столовой – без изыс-

ков, но качественно и сытно. Помывка – раз в неделю в сельской бане.

Работали первые пару дней или чуть больше на уборке сахарной свеклы. Технология была простая – идешь по полю, видишь свеклу перед собой и пинаешь её носком ботинка – от удара у неё отрываются тонкие корешки, и её легче извлечь из земли, выдираешь её из грунта и кидаешь в кучу.

Потом нас направили на сортировку и загрузку картохи в картофелехранилище. Картошку, привезённую с поля, поначалу ссыпали в большую кучу у склада рядом со стоящим транспортёром. На нём картошку перебирали, ссыпали в большие корзины, которые затем высыпали в самосвал. После заполнения самосвал проезжал сто метров до картофелехранилища, въезжал, ссыпал картошку в большую кучу и возвращался под загрузку. Цикл повторялся. Сортировали картошку, стоя у транспортёра, по большей части девчонки, я предпочёл заниматься погрузкой. Стоял себе в кузове, брал поставленную на края корзину, нёс её ближе к кабине, высыпал, скидывал вниз и брал новую – и так по кругу.

Отдыхали только в те несколько минут, когда грузовик возил картоху на склад, поэтому девчата, чтобы на несколько секунд отвлечься, подходили к кузову и задавали какой-нибудь немудрящий вопрос, типа:

– Алик, ну, ты там много навалил?

Я, стараясь поддержать общий градус веселья, находил такой же незатейливый ответ:

– Да нет, кормёжка не та.

Десять минут в час были отведены на перекур, курящих у нас не было, а я был курильщик такой – только за компанию, если никто не курил, то и мне неинтересно, поэтому во время перекура мы грелись у костра – пекли в золе картошку. Засыплешь в золу и идёшь трудиться, пришли на следующий перерыв, а она испеклась и даже остыла до нужной кондиции.

Девчонки стыли на ветру – пацаны насыпали небольшими кучками угли, ставили вверх тормашками вёдра и предлагали им для согрева.

Я предложил подобное тёплое сиденье девушке с нашего факультета, подруга её заявила:

– Алик весь костёр Надьке под жопу стащил.

Когда картофелехранилище забили под завязку, народ разбросали по другим объектам, нас с ребятами отправили копать бурты под картошку. Работали мы с двумя деревенскими мужиками. Мужики работали основательно, но очень неспешно – вдвоём они копали один бурт два дня. Я, получив какие-то навыки при копании ямы под фундамент дачи тестя, вырыл в первый день бурт в одиночку и во время перекура поинтересовался у местных:

– А сколько стоит в совхозе один бурт выкопать?

– Семь рублей.

– Так это в принципе сто пятьдесят рублей в месяц, если по бурту в день копать, по вашим меркам неплохие деньги.

Мужики сидели, переглядывались, посмеиваясь надо мной:

– Не, так работать – это какой же я домой приду:

– Хорошо, а сколько вы получаете по-среднему в месяц?

– Да рубликов семьдесят.

– Ну и как жить на такие деньги?

Мужики переглянулись, заулыбались, один ответил:

– Ну как жить? Картошечки продашь, мясца продашь, капусташки квашеной, огурчиков, грибочков, маслица сливочного домашнего...

Он рассказывал ещё, но уже было неважно. Стало понятно, что вырастить всё это, переработать, сохранить, продать нужно столько сил, умения и времени, что эти возможные чахлые совхозные семьдесят рублей прибавки никак не покроют всё то, что эти мужики могут заработать в своё время, поэтому, придя домой, он должен быть свеж.

Выбор развлечений по вечерам был невелик: танцы или выпивка, правда, один раз местная пацанва пришла нас бить. Причины были неясны, да и зря они это придумали – нас было втрое больше, и пришедшие все были – так, мелочь пузатая лет пятнадцати. Мы стояли, ждали, что они попытаются предпринять. Они поначалу гомонились, пытались раззадорить друг друга. Был у нас парниша, играл в регби когда-то на серьёзном уровне, спал, когда к нам гости заявились. Проснулся, взял шестиметровую доску, лежавшую около общаги, подошёл и стал с интересом наблюдать, что у нас

происходит. Гости наши совсем сникли. Тут глава нашей ту-совки, назначенный руководством факультета, поинтересовался:

– Ребята, а что произошло? Вы чего пришли-то?

Ребята молча топтались, было понятно – вечер, приняли на грудь по фуфырику какой-то дряни, появилось желание кому-то сунуть в грызло – пришли и поняли, что, вероятней всего, сами огребут. Из кучки деревенской мелкоты вывалился их лидер – какой-то местный испитый идиот лет тридцати пяти.

– Я делов вааобще не знаю, кто, чего – без понятия.

Наш командир предложил ему:

– Давай-ка отойдём в сторону, обсудим.

Высокие стороны удалились в темноту, немного побубнили, громко рассмеялись, вернулись и сообщили, что конфликт исчерпан.

Пацанята слиняли с явным облегчением, им повезло: пришли – значит, надо не пасовать, надирались бить рожи. А тут думай, как бы самим уйти целыми.

Мы тоже испытывали облегчение – лупить пацанов пятнадцатилетних – тоже никчёмное занятие. А если б носы им натёрли, то так просто бы не закончилось – пришли бы ночью, побили нам стёкла или того хуже – подожгли барак.

Остаток месяца я провёл в Зарайске на погрузке картошки в вагоны. Дикое, надо сказать, занятие – картошку грузили навалом.

Из пустого мешка делали накидку на голову и спину – складывали его таким образом, чтобы получить, с одной стороны, коническую шапочку. Набрасывали мешок на спину так, чтобы шапочка аккуратно надевалась на голову, спина согнута градусов на сорок пять к горизонту. Когда мешок картошки кладут на спину, то поддерживать надо лишь слегка, так как сила трения препятствовала его сползанию. Башка наконец-то использовалась по прямому назначению – разгружала руки.

Картошку привозили из совхоза в мешках на грузовиках, технология погрузки была та же, что сто лет назад: подходишь к грузовику, тебе кладут на спину мешок, заносишь его в конец вагона, высыпашь картошку на пол и идёшь за новым мешком. Когда весь пол будет засыпан картошкой, идёшь в сапогах прямо по ней опять в самый конец вагона и ссыпашь картошку. Так продолжали, пока потолок вагона не начинал мешать. Так и сыпали её, родимую, пока она не начинала вываливаться через дверь вагона, тогда кто-нибудь произносил сакральную фразу:

– Доступ к телу прекращён.

Дверь вагона закрывали, сообщали в конторку, что мы закончили, и садились курить и дожидаться машины из совхоза.

В начале октября мы были в Москве.

Приехал вовремя – мужики с кафедры прокатки и с нашей собрались ехать за сеткой – она банально кончилась, всю порезали и закатали в образцы. Поехали на СЗМС³. Деньги на теме на закупку и доставку сетки были, только не существовало механизма, который бы позволил оперативно организовать перемещения груза из точки А в точку Б при условии оплаты по безналичному расчёту. Проще было взять гарантийное письмо на оплату и вывезти всё самовывозом. Рулон сетки в зависимости от её вида и длины в рулоне мог весить от десяти до сорока килограммов. Прикинули, сколько примерно нам надо вывезти, и собралось нас для самовывоза человек шесть или семь – от нашей кафедры был я, остальные с прокатки.

Ехать надо было с Ленинградского вокзала до станции Подсолнечной, от неё до завода пешочком минут двадцать. Оформлением занимался Сашка Тележников с Тинычем, инженером с прокатки Игорем Валентиновичем. Мы ждали рядом с проходной – благо стояла сухая солнечная погода. Оформление прошло быстро – пошли на склад за сеткой, получили, стали разбираться, как её тащить на станцию. Сашка

---

³ Солнечногорский завод металлических сеток им. Лепсе.

Тележников, как самый крепкий, взялся тащить рулон весом килограммов в двадцать, вдобавок он, как самый опытный, прихватил чистую тряпочку, которую подложил под рулон, – они были в машинном масле, которое использовалось при плетении.

Все собравшиеся для перевозки сетки работали с ней и знали, что она в машинном масле, не скажу, что оно с неё капало, но следы на руках и одежде оставались, но никто из нас, кроме Саньки, не подстраховался, не взял ничего, чтобы не пачкать одежду. Мы с Санькой Бариновым тащили вдвоём рулон весом килограммов в тридцать. Каждый держал его двумя руками над плечом, было очень неудобно, руки быстро затекали, но девственность рубах была дороже всех неудобств.

До станции добрались с двумя перекурами, загрузились в электричку, рулоны сетки поставили в тамбуре, простояли до Москвы.

На привокзальной площади взяли такси – таскаться с сеткой в трамвае было уже неважно. Таксист, увидев, что машина стала проседать под грузом, зашумел:

– Куда грузите?! Задние подвески не выдержат к х...м.

– Да всё будет нормалёк, тут всего-то семьдесят кило.

– Грамотные, б...ь, про семьдесят кило знают, да тут больше в два раза. Возьму только с одним пассажиром.

Он был прав, но частично – вес был больше, но только раза в полтора от нормы.

– Ладно, давай бери двоих, и рубль сверху.

– Садитесь.

Поехал Санька Тележников, как руководитель экспедиции, и Володька Кальченко – ему надо было ещё попасть в лабораторию. Остальные распрощались у вокзала и отправились по домам – надо было привести себя в порядок.

Сидя в трамвае семёрочке, я размышлял о том, что должен уметь человек, желающий проявить себя на научном поприще, и пришел к выводу, что занятия эти требуют изрядной физической подготовки и умения переносить тяжёлые грузы на большие расстояния. При этом советский научный работник в области прикладных наук, в частности, обработки давлением, должен обладать навыками слесаря, механообработчика, сварщика, формовщика, прокатчика и снабженца. И только тогда, когда он реализует себя во всех этих ипостасях, возможно, ему понадобятся знания в математике, механике сред и прочем.

* * *

Виталий Дунаевский подал заявление на увольнение – стало известно, что он переходит на работу в авиационный техникум директором. Традиционную проставу по факту покидания родного коллектива он организовывал в Центральной бане, снял огромный кабинет, куда было приглашено человек пятнадцать-двадцать народу, в число приглашённых

попал и я.

Парились в парной, куда поместилось бы и ещё столько же, сколько пришло, сидели в комнате отдыха за большим столом, пили водку, принесённую Виталием, и пиво из буфета бани, поднимали тосты за удачу, здоровье, лопали что-то и снова парились. В парной был я до этого в раннем детстве да с тестем пару раз ходили в Марьинскую баню, что на углу Широкого проезда и Большой Марьинской улицы. Ходили помыться по случаю отключения горячей воды летом, но я там в парную даже не заходил.

Меня, узнав, что я практически первый раз в жизни попал в парилку, отхлестали вениками, сунули в ледяную воду, затем снова в парилку, и так три раза.

Виталия, как старого парильщика, отхлестали люто – Николай Иванович сказал, что надо на память поставить знак качества, принёс пивную пробку, приложил Виташе к ягодице и долбанул по ней комлем веника. Виталий взвыл:

– Вы чего, мужики, ох...ли?! Больно же.

Пошли купировать болевой синдром раствором C_2H_5OH в воде – помогло, но Виталий обещал Ляпунову ответочку.

В разгар веселья в дверь постучали – решили, что это кто-то из опоздавших. Илья картинно распахнул дверь.

– Войдите.

Возникла тишина, все повернули головы в направлении двери – Илья, полностью обнажённый, стоял перед дверным проёмом. Перед ним стояло три женщины лет тридцати пя-

ти, одна из которых произнесла:

– Вы не подскажете, где пятый кабинет?

– Не знаю.

– А это какой?

– Третий.

– А, нам, значит, дальше по коридору.

Илья, повернувшись боком, сделал приглашающий жест.

– А то оставайтесь, у нас весело.

– Нет, спасибо, у нас своя компания, – и дамы царственно удалились.

Утром, проснувшись в постели, я почувствовал, что пахнет чем-то незнакомым – понюхал свою руку и понял, что это аромат банного листа. Моментально вспомнил вчерашний вечер, ощущения в парной, запахи распаренных берёзовых и дубовых листьев, мяты, эвкалипта и понял, что я влюбился, влюбился бесповоротно и на всю жизнь – в баню, в русскую парную.

С тех пор и до сего времени я её неперемный поклонник и завсегдатай.

* * *

В декабре на прокатке спохватились – конец года, надо предьявлять заказчику годовой отчёт по теме, а материалов маловато. Юрий Иванович собрал всех работающих на теме и велел тащить всё, что у кого было. Поскольку мы тоже были

на подсосе с этой темой, Николай Иванович поставил задачу собрать, что у нас сделано, привести в порядок и передать на десятку.

Поинтересовавшись, в скольких экземплярах нужно представить отчёт, я собрал свои материалы, описал проведенную работу, начертил графики, наклеил фотографии и отдал Илье на проверку. Илюха полистал, внёс какие-то коррективы и отдал на кафедру печатать.

Никакой теоретической части в материале не было – нехватало времени на её разработку, но имелся большой массив экспериментальных данных, подтверждённых фотографиями и графиками. В целом было видно, что проведена большая работа, которую надо продолжать развивать.

В двадцатых числах декабря собрались на прокатке – Синяков просматривал готовый отчёт перед подписанием. Часть, представленная нашей секцией, занимала процентов семьдесят отчёта. Юрий Иванович с любопытством рассматривал фотографии и всё время морщился, наконец не выдержал, поднял голову и спросил, глядя на Сашку Баринава:

– Это твоя часть?

Санька покрутил головой.

– Не-а, не моя.

Синяков опросил всех, стоящих перед ним по кругу, – все отказались.

– Так чья это часть, откуда она у нас?

Пришлось мне высунуться из-за его спины.

– Наша, Юрий Иванович.

– А кто это клеил?

– Я.

Уже наблюдая за тем, как он недовольно сопит, разглядывая фотографии, я догадался о причине его недовольства – листы бумаги вокруг фотографий собрались в складки.

Клеил я фотки клеим ПВА, который тогда был редкостью, но тёща таскала с работы и клеила им всё. Она-то и посоветовала мне клеить фотографии ПВА, утверждая, что лучше этого клея нет и никаких проблем после наклейки не будет. Но, видно, я нарушил технологию – слоёк потолще положил или ещё чего, но бумагу вокруг фоток сморщило как от боли. Я, признаться, большой беды в этом не видел – фотки-то не повело, качество изображения не пострадало. А бумага – хрен бы с ней бумагой, полежит и разгладится.

Но у руководителя нашего было другое мнение – перфекционист, мать его... женщина.

– Ну кто так клеит, кто так клеит?

Я скорчил скорбную рожу, промычал что-то невразумительное, пытаясь жестами рук и гримасами изобразить деятельное раскаяние от своей неумелости и туповатости.

Синяков продолжил листать отчёт, неодобрительно покачивая головой при виде наклеенных мной фоток. Больше замечаний не было, отчёт был подписан и отправлен заказчику.

Синяков с разной периодичностью проводил в нашей сек-

ции научные семинары. На семинарах заслушивали ход выполнения работ аспирантами, занимающимися нашей тематикой, обсуждались результаты и перспективы сотрудничества с кафедрами, внедряющими изделия, изготовленные нашей группой.

Надо сказать, что Юрий Иванович был глубоким серьёзным учёным, великолепно разбирающимся в механике сплошных сред. Был мужиком незлобивым, имел массу положительных качеств. Но было одно, но.

Помнится, у Николая Васильевича Гоголя был персонаж – Иван Яковлевич, который, как всякий порядочный русский мастеровой, был пьяница страшный. Увы, наш научный руководитель страдал тем же пороком. Всё было как у классика, только у нас пьяницей горьким был порядочный русский учёный.

Это изрядно вредило и работе группы, и его аспирантам.

В секции у нас появился новый парень – Толя Трындяков, которого взяли ассистентом на место Дунаевского. Молодой, спортивный, недавно защитившийся по пористым материалам. Я его уже видел, он участвовал в семинарах группы, производил очень приятное впечатление.

Кроме того, он был большим энтузиастом общественной работы, был когда-то комсомольским лидером, а на момент прихода в нашу секцию был членом парткома факультета. Но это дело каждого: мне больше нравилось проводить своё свободное время с друзьями за накрытым столом, ему – за

столом, обтянутым зелёным сукном.

Пили и в нашей компании, и в его. Мы пили поначалу водку, потом кто-то перешёл на вина. В их компании пили только воду из графинов, хотя поговаривали...

Обязательным атрибутом наших застолий была закуска, атрибутом их встреч – протоколы заседаний.

И в нашей компании, и в его много говорили, мы – о работе, о жизни, о политике, о бабах, о стихах и ещё чёрт знает о чём. О чём говорили на всех его парткомах и бюро, не знаю. Не был, не судим, не привлекался, не имею.

Впрочем, Толя не пальцевал своими партийными рангами, а проводить своё личное время каждый волен по-своему. Он бывал и на всех наших традиционных сборах группы ПСМ и там бывал так же весел, как и мы, пил всегда умеренно, но это скорее достоинство, чем недостаток. Я-то, к сожалению, не всегда мог удержаться в границах разумного при употреблении горячительных напитков.

Работа шла своим чередом, Илья интенсивно работал над диссертацией, нашёл интересную работу Р. Грина⁴ «Теория пластичности пористых тел», дал мне ознакомиться. Работа мне понравилась, автор, рассматривая элемент структуры пористого тела в виде куба со сферической полостью, определял, на какую величину уменьшится предел текучести пористого материала из-за наличия в нем определённой концентрации полостей. Ознакомившись с работой, я высказал

---

⁴ R. J. Green.

мнение, что подход Р. Грина очень интересен и использовать его при анализе поведения пористой среды будет весьма продуктивно, но для нас правильнее представить элемент структуры пористого тела в виде куба с полостью в форме кругового цилиндра.

Р. Грин исследовал поведение металлической консольно закреплённой балки. Побудительным мотивом исследований было разрушение авиационного крыла в месте крепления вследствие динамической нагрузки. Выяснилось, что в наиболее нагруженных местах происходит образование пузырьков, приводящих к развитию трещины и дальнейшего излома.

В нашем случае мы сами создавали материалы с заведомо имеющимися в них порами, и пористость и проницаемость наших материалов являлись важными служебными характеристиками, но выбор такой модели пористого тела позволил бы в будущем связать параметры деформации изделий при штамповке с параметрами изменения проницаемости изделий. То есть, выбирая такую модель, мы уже закладывали возможность в будущем прогнозировать изменение служебных характеристик наших изделий после штамповки.

При этом, с расчётной точки зрения, разницы большой не было – Р. Грин, равно как и мы, рассматривал деформацию структурного элемента при чистом сдвиге. Илья, надо полагать, думал также – об этом, собственно, говорили результаты его собственных экспериментов по вытяжке цилиндров

из дисков с просверленными в них отверстиями, и в своей работе он принял за основу именно такую модель.

* * *

Новый тысяча девятьсот семьдесят седьмой встретили по-домашнему.

Разбираясь, а что, собственно, собой представляет моя предполагаемая работа, нашёл в институтской библиотеке докторскую диссертацию завкафедрой шестёрки Евгения Александровича Попова. О... думаю: надо почитать – интересно же. Начал читать – не оторваться, ну, настолько всё точно, разумно, каждый шаг понятен и логичен, и в то же время ясно, что тебе надо столько пахать и пахать, чтобы хоть чуть-чуть приблизиться к этим вершинам. Но что-то в мозгах прояснилось, стало понятно, по крайней мере, куда двигаться.

И двинулся, двинулся за билетами в Ереван – печи на десятке стояли холодными, и поскольку работа печей нужна была и нашей группе, меня срочно направили в Армению – купить тэны⁵ для печей. Надо было посетить два города – Артик и Кировакан. В одном получить тэны по гарантийному письму, во втором провести согласование, не помню чего. Предполагалось, что обернусь за четыре-пять дней, не более.

---

⁵ Нагревательные элементы.

В Ереван прилетел в первой половине дня, узнал, где располагается автовокзал и как до него добраться, и сразу укатил туда. В кассе автовокзала кассирша сообщила, что автобус в Артик ходит раз в сутки, будет завтра рано утром, и билетов на него уже нет, а я могу взять билет в Артик только на послезавтра или взять на рейс в Степанаван – Артик будет по дороге, надо будет, всего лишь, прогуляться немного пешком. Главное, чтобы я предупредил водителя о том, что мне сходить у поворота на Артик, а там всё будет в порядке – водитель покажет мне, куда идти. Я взял билет, проболтался пару часов около автовокзала, размышляя, где бы пожрать, поскольку в аэропорту решил не завтракать, думая сделать это на автовокзале, но пролетел – буфета там не оказалось. В итоге решил не париться – поесть по приезде в ресторане в гостинице. Дождавшись автобуса – помнится, что это был какой-то скромненький Лиаз или что-то вроде того, – сказал водителю, что меня надо ссадить у Артика, занял своё место, и мы потихоньку поползли к цели. Было душно, нещадно трясло – даже не подремлешь. Поначалу автобус наш притормаживал на каждую поднятую руку, водитель либо здоровался, громко и радостно беседовал с остановившим его, потом прощался, и мы двигались дальше, либо разговоры после остановки были негромкими, и коробочка наша пополнялась пассажирами, которые ехали стоя. Выбравшись из города, мы слегка прибавили, стало посвежее за счёт сквознячка, трясти стало ещё нещаднее, но сидячие пасса-

жиры стали задрёмывать – народ привыкший. Я не дремал – всё ждал своей остановки. Сумерки за окнами сменились непроглядной мглой, мне пришла тревожная мысль – может, забыл про меня – и пошёл поговорить с шофёром. Водила меня успокоил – «всё помню, не впервой». Вернувшись назад, увидел, что место моё занял какой-то плотный абориген, который в ответ на мои попытки его растеребить старательно изображал глубоко спящего человека. Поняв, что я не успокоюсь, пока попросту не столкну его с места, поднял на меня глаза, изображая неподдельное удивление.

– Ви же виходиль.

– Я ходил с водителем поговорить. Место освободите.

– Ви дальше будите ехать?

– Непременно, место освободи.

Абориген, не отвечая, выражал мимикой и растерянными жестами недоумение по поводу моего странного желания продолжать поездку на собственном месте, оглядывался по сторонам, ища сочувствие у спутников. Сдерживая желание сунуть ему коленом в грызло, я поинтересовался:

– Мне что, водителя позвать, чтобы он тебе всё объяснил?

Объяснение с водителем явно не входило в планы аборигена, и он неохотно освободил сиденье, встав позади, явно рассчитывая занять насиженное местечко после моего десантирования. Часа через два автобус притормозил, водитель включил свет в салоне, встал в проходе и, ища меня глазами, спросил:

– Кто в Артике сходит?

Я поднялся, сместился вбок и громко спросил:

– Кто едет до Степанавана?

Из стоящих откликнулось несколько человек, включая аборигена, который стал настойчиво подпихивать меня в спину, стараясь отодвинуть от заветного местечка. Моё внимание привлекла бабуленька, малюсенькая, сухонькая, вся в чёрном, стоящая рядом с кучей каких-то котомок впереди в проходе на расстоянии двух рядов. Он глядела на меня как-то нерешительно. Я протянул ей заранее приготовленный билет, но она всё не решалась его взять. Тут поднялся лёгкий гвалт, человек пять сидящих пассажиров стали что-то ей горячо втолковывать, размахивая руками. Бабка встрепенулась, подхватила свои котомки и в два прыжка заняла предлагаемое место. Я вручил ей билет и пошлёпал к выходу. Водитель вышел вместе со мной и стал показывать, куда мне идти, а я не понимал, как тут можно разобраться – тьма стояла кромешная. Водитель подвел меня к краю дороги.

– Ногой пощупай.

Я осторожно наступил на что-то каменистое, относительно плоское и явно с небольшим уклоном уходящее вниз.

– Ты, главное, не крутись, а то на дорогу вернёшься, тогда заблудишься. Иди всё время прямо. Она чуть-чуть петляет, но по кюветам поймёшь – почувствуешь кювет справа – бери чуть левее, и наоборот. Глаза привыкнут – легче будет. Ну, давай, удачи.

Глаза, наверное, привыкли, но это не помогло – я ни хрена не мог различить в этой непроглядной мгле, благо ноги как-то стали лучше ощущать дорогу. Шёл сторожко, дабы не забуриться в кювет, – дорога петляла, ковылял еле-еле. Минут через сорок где-то далеко за спиной услышал звук приближающегося автомобиля, кружившего по петлям дороги, и остановился – вдруг прихватит?

Минут через пять фары осветили дорогу, я понял, что стою недалеко от правого по ходу движения кювета, сместился ещё правее и поднял руку. Через несколько секунд 69-й ГАЗ притормозил, дверь открылась, я сделал шаг к автомобилю.

– С автобуса, в Артик?

– Да, до гостиницы не подбросите?

– Садись.

Мчались мы шустро, водитель был неразговорчив, я тоже как-то уже замонался – молчали оба. Минут через двадцать со скрежетом затормозили у современного восьмизэтажного здания с внушительным стилобатом. Отклонив моё желание оплатить проезд, водитель произнёс:

– Дежурная на месте, но спит, скорее всего. Звони, пока не откроет, не стесняйся.

– Спасибо.

Он кивнул головой и умчался, а я подошёл к гостиничным дверям – они были открыты. Вошёл в здание, подошёл к закрытому окошку администратора и стал трезвонить в зво-

ночек. Минут через десять-пятнадцать оконце открыла заспанная армянка, несмотря на непланируемую побудку, она была приветлива:

– Здравствуйте, хотите у нас остановиться?

Я уже изрядно притомился, поэтому, чтобы гарантированно выспаться, решил попытаться заселиться в одноместный номер – шансов, конечно, мало, но вдруг повезёт.

– Здравствуйте, скажите, а в одноместный номер Вы бы могли меня заселить?

– Хорошо, Вы с кем хотели бы жить рядом: с геологом или строителем?

Я понял, что просьба моя не прокатывает и, скорее всего, придётся жить в двухместном с соседом, но решил всё же ещё помусолить эту тему:

– Девушка, а всё же как насчёт одноместного номера, как-то это возможно?

– Конечно, а вы с кем хотели бы жить рядом: с геологом или строителем?

– Да я хотел бы в одноместном жить, но если никак, то мне всё равно.

Администратор внимательно посмотрела на меня и, видно, убедившись, что имеет дело с изрядным дебилом, стала терпеливо мне втолковывать:

– На втором этаже живёт геолог, на третьем – строитель, оба в одноместных номерах. Вы тоже будете в одноместном, но где Вы хотите?

От таких перспектив у меня аж голова закружилась.

– А кто живёт на восьмом?

– Никого, только туда вода не поднимается.

Перебрав все этажи, я узнал, что в гостинице живут только два постояльца – геолог и строитель, что вода поднимается с гарантией, то есть с нормальным напором, только до четвёртого этажа, но горячую надо подождать. Кроме этого, я узнал, что в гостинице есть ресторан, который открывается в одиннадцать утра, что сейчас поесть мне нигде не удастся. Ещё я узнал, что повар – хороший человек, и если мне надо уйти пораньше, то я могу подойти в ресторан к девяти, и он меня накормит.

Я поселился один на четвёртом. А чо, я хуже строителя или геолога, чо ли? И напор воды был нормальным, правда, горячая в этом напоре проявилась только утром, ну что за беда? Не впервой, принял холодный душ и завалился спать.

Проснулся я около девяти, проспал часов шесть, но чувствовал себя абсолютно свежим. Привёл себя в порядок и минут в двадцать десятого уже был у окошка администратора. Расплатившись за ночёвку, я разузнал, где находится нужный мне заводик – оказалось, что до него пятнадцать минут пешком, и пошёл позавтракать в ресторан.

Небольшой зал ресторана был круглой формы, на кухне слышались какие-то звуки. Я сел по привычке за столик у стены. Просидев минут десять, понял, что меня не видно – пересел за столик в центре зала, просидев ещё десять минут,

понял, что надо предпринимать действия по поиску доброго повара, и пошёл на звуки, доносящиеся из кухни. Подходя поближе, окликнул:

– Есть кто живой?

Уже войдя в помещение, увидел рослого широкоплечего мужчину в белом колпаке, стоящего ко мне спиной у длинного стола и что-то режущего на разделочной доске. Не поворачиваясь ко мне спиной, он ответил:

– Видел тебя, дорогой, видел. Сначала у стены сидел, потом в центре, что хочешь?

– Чего-нибудь горяченького съесть, сутки не ел, оголодал.

– Ай-яй-яй, покормлю тебя, что ты хочешь?

– Яишенку из двух яиц и какое-нибудь второе блюдо.

– Хорошо, а какое второе?

– Да любое мясное, что есть.

– Скажи какое, я сделаю.

Я стал лихорадочно перебирать в голове известные мне армянские блюда.

– Люля-кебаб можно?

– Хорошо, будет тебе люля-кебаб, пойдём, поможешь.

Повар положил нож, повернулся – на вид ему было лет сорок пять. Мы вышли из кухни и двинулись по длинному коридору, войдя в тёмное прохладное помещение, приблизились к огромному сундуку, обитому оцинковкой. Он открыл толстенную крышку, также обитую оцинковкой, и сказал мне:

– Падэржи.

Я упёрся рукой, держа крышку, а повар нагнулся и стал копать в ящике, перебирая куски мяса, лежавшие вперемешку с огромными глыбами льда. Найдя нужный, он помог свободной рукой закрыть ларь, и мы пошли назад. По дороге он спросил:

– Что пить будешь?

Этот вопрос поставил меня в тупик, за завтраком был бы уместен чай, но я заказал люля-кебаб, как-то чай был к моему второму блюду не *comme il faut*, и я вдруг сказал:

– Пиво.

– Хорошо, садись.

Почему пиво? Я не был уверен, что в Армении вообще пиво варят, а если варят, то какое они там могут пиво сварить? Это ж Армения, ну, коньяк – это да. Но пиво... Во всяком случае, в Москве армянского пива никогда не видел в продаже.

Я сел за стол, настроение моё было благостным – сейчас покормят.

Минут через пять повар принёс бутылку пива и блюдечко с гренками, открыл пиво, налил в стакан.

На удивление пиво оказалось очень вкусным, яишенка была с какими-то травками и поджарена именно до той степени, какую я люблю. А уж когда повар принёс люляшки, я понял, что родился не в том городе, где вкусно кормят, – две длинные необыкновенно вкусные котлетки из рубленого

мяса были приготовлены на углях. Ни в одной московской забегаловке, я не говорю уж о столовых, я не видел, чтобы котлеты жарили на углях. Расплатившись и поблагодарив повара за необыкновенно вкусный завтрак, я собрался уже бежать по своим делам, но повар поинтересовался:

– А ты к кому приехал?

– Да я на завод электронагревателей.

– А-а-а-а, тогда посиди ещё, отдохни.

– Да я хотел побыстрее, чтобы на вечерний автобус до Кировакана успеть.

– Дорогу не перейдёшь.

– Как не перейду, почему?

– В окно погляди.

Я взглянул в окно, и увиденное так заинтересовало меня, что я вышел на улицу посмотреть на происходящее и разобраться, смогу ли добраться в нужное мне место.

Для того чтобы попасть на дорогу, ведущую непосредственно к заводу, нужно было перейти маленькую улочку, но это представлялось совершенно невозможным – по улочке с интервалом метров десять, не более, со скоростью километров шестьдесят в час шла нескончаемая колонна бортовых открытых ЗИЛов, в которых на скамейках сидели мужики в чёрных телогрейках с белыми нашивками на груди, судя по всему, заключённые. В передней части кузовов было небольшое пространство, которое было отделено от сидящих деревянными щелястыми щитами, сколоченных из толстых до-

сок, установленных с наклоном в сторону заключённых. За щитами спиной к кабине находилось по трое вохровцев, вооружённых автоматами Калашникова.

Все зэки, как мне показалось, были в основном кавказцами, причём не старше тридцати-сорока лет. Многие что-то весело кричали мне – улица была пустынна. Простояв немного, я вернулся в ресторан и сел за стол у окна, чтобы видеть, когда проедет вся колонна. Минут через пять подошёл повар, я поинтересовался:

– Долго они ещё будут?

Повар, поглядев на большие часы, висящие в зале, ответил:

– Минут сорок.

Я заказал ещё бутылку пива и поинтересовался у повара:

– А что это за такая развесёлая колонна?

– А у нас тут самый крупный в мире карьер розового туфа, работают одни заключённые, вот их каждый день туда-сюда на работу возят.

Я сидел, потягивал пиво, грыз сухарики, отдыхал в полудрёме, дожидаясь, пока всех зэков доставят к месту работы. В ресторан вошла пара армян и что-то хрипловато просипела в направлении кухни. Появился повар, взглянув на посетителей, снова пропал, через минуту появился с бутылкой водки и двумя пустыми стаканами, которые молча поставил перед новыми посетителями. Посетители молча разлили водку в два стакана, выпили, не чокаясь, и вышли на улицу. Я

вышел вслед за ними – колонна ушла, пора было двигать на завод. Армяне оказались водителями – перед входом в ресторан стояли два самосвала ЗИЛ-130. Каждый сел в свой, и разъехались по своим делам, а я двинул в сторону завода.

Заводик по производству нагревателей скорее напоминал небольшую мастерскую, но всё было как у больших: проходная, приёмная директора с секретаршей и сам директор.

Ввиду малочисленности персонала принимал командировочных лично директор, он же расписался в командировке и, поставив печать, поинтересовался:

– А зачем Вы в такую даль прикатили? Мы могли отправить требуемое багажным отправлением.

– Да срочно нужно, а эта канитель месяца на полтора, потом они могут и уронить, и бросить на транспортёр неаккуратно.

– Да, вы правы, наши нагреватели не любят грубого обращения.

Отметив мне командировку, директор забрал гарантийное письмо на оплату, вызвал из цеха мастера и отдал ему письмо.

– Овик, видишь, к нам уважаемый человек приехал из самой Москвы. Ты ему подбери по письму всё, что им надо, и отнеси в столярку. Пусть сделают по размеру ящичек из фанеры и прикрепят ручку, чтобы было удобно нести человеку, и поторопи их, чтоб сделали при тебе, потом принесёшь мне. А письмо передай в бухгалтерию Мелинэ, пусть выста-

вит счёт на оплату, она знает.

Затем он обратился ко мне:

– Вы от нас в Ереван?

– Нет, в Кировакан.

– Тогда Вы пока погуляйте, город наш посмотрите, а через пару часов подходите, получите свой груз, и ещё с запасом по времени на автобус успеете.

Я отправился гулять – городок был невелик, центральная улица находилась в распадке, от неё уходили вбок и заползали на склоны пологих гор переулки, делящие его на небольшие кварталы. И в каждом квартале был Дом быта и парикмахерская, всё почти как у Ильфа и Петрова, а вот какой-нибудь закусочной я не встретил. Но воздух был удивительный, и панорама горных вершин, окружающих город, весьма способствовала поднятию духа.

Отгуляв свои два часа, получил великолепный фанерный кейс и отбыл в Кировакан.

Кировакан оказался городом, в разы большим по населению, чем Артик, наверно, поэтому и мест в гостинице, в которую я попал, было немного, но койку в двухместном номере мне выклянчить удалось. Располагаясь на ночлег, стал запихивать под кровать ящик с нагревателями и сумку. Сидящий на соседней койке сосед по номеру, наблюдая за моими манипуляциями, спросил:

– Вы геолог?

– Нет, а почему Вы так решили?

– Борода у Вас, и инструменты в ящике, я думал, Вы учёный.

В интонации соседа звучало явное сожаление.

– Увы, извините, что не оправдал Ваших ожиданий.

– Ничего, а сами откуда?

– Из Москвы, а Вы?

– Из Камо.

Затем сосед замолчал, что меня очень устраивало – хотелось отдохнуть, но у него были другие планы на вечер, и он продолжил:

– Не люблю Москву.

Тон у него был такой, что стало ясно – москвичей он тоже не того, не очень.

– А чего так?

– Обье... обманули там меня.

– А что произошло-то?

И сосед рассказал свою грустную историю о том, как он, накопив тысячу рублей, поехал в Москву в надежде купить там импортный мебельный гарнитур, как он там бегал по мебельным магазинам, как ему пообещала какая-то красотка, крутившаяся у магазина, помочь за небольшое вознаграждение приобрести желаемое, но надо было накрыть стол для директора магазина, и он накрыл стол в Арагви за четыреста рублей, как красотка при нём передала его деньги директору у входа в магазин и он ушёл за прилавок и пропал, и оказалось, что он не директор, а неизвестно кто, и пока он про-

рывался к настоящему директору, пропала и красотка. Он целый месяц жил в этой ставшей ему ненавистной Москве и встретил снова эту красотку у другого мебельного, и она рыдала, уверяла, что её тоже обманули, и в порядке компенсации предложила ему расплатиться телом, но он отверг её, хоть до этого он в неё почти влюбился.

Я выслушал его душещипательную историю, посочувствовал, сказал, что в Москве таких историй в день происходят десятки, но из этого не вытекает, что все москвичи этим занимаются, что они такие же люди и также страдают от всего этого, спросил:

– А что, у вас не воруют?

– Воруют, но не так же, ну, украдут у человека сто рублей.

– Хорошо, а сколько в Камо народа живёт?

– А это при чем? Не знаю точно, ну, тысяч сто, наверно.

– А в Москве десять миллионов, в сто раз больше, и всего там больше в сто раз: дорог, домов, приезжих, а воруют только в десять раз больше.

Моя занимательная арифметика произвела на него впечатление – он задумался, а я, признаться, и аргумент этот придумал в надежде, что мы на этом закончим наш разговор, но оппонент мой, помозговав, вдруг спросил:

– А кем Вы работаете?

– Инженером.

– А где?

– В Бауманском институте, на кафедре технологии метал-

ЛОВ.

– А-а-а-а... А у Вас есть знакомые мебель купить?

Меня аж оторопь взяла, что за люди, ну, обманули тебя уже один раз – успокойся, нет, он уже готов ввязаться в новую авантюру, и опять с совершенно незнакомым человеком.

– Нет, дорогой, у меня таких знакомых. Мне тоже мебель нужна, но, увы, не могу достать.

Тут я не врал – швах был полный у нас с мебелью. Нет, какая-то мебелишка была – был раскладной диван-книжка, какой-то полированный комод, на котором стояло несколько книжных полок, платяной шкаф, который смастерил мой дядя в подарок сестре – моей маме. У мамы в комнате было чуть получше, но тоже не бог весть как. В прихожей не было никакой мебели вообще – были прикреплены несколько настенных крючков, которые постоянно отрывались и падали на пол под грузом одежды. Когда эта история мне надоела, я взял двухсот пятидесятый стальной гвоздь и забил его на треть в стену. С этого момента гвоздь получил звание «гостевой», и всяк входящий вешал на этот гвоздь свою одежду, иногда там висело до десятка пальто и шуб. Правда, у нас главной причиной отсутствия более-менее приличной мебели было не нехватка каких-то знакомых в магазинах, торгующих оным товаром, а дефицит денег на её приобретение. Но нас как-то это не парило, ну, нет мебели, и что? Было на чём спать, был письменный столик, какой-никакой шкафчик – когда-нибудь купим. Впрочем, каких-либо

знакомых, которые бы помогли достать мебель, у нас тоже не было, а просто так зайти в магазин и купить её было практически невозможно, за исключением удачного стечения обстоятельств или чего-то в этом роде.

Переночевав, я с утра метнулся на завод, завизировал требуемые бумаги, отправился на автовокзал, и во второй половине дня я уже был в Ереванском аэропорту.

Аэропорт был набит народом под завязку, но, что меня приятно удивило, в кассах не было очереди. Я, доставая на ходу паспорт и деньги, практически бегом домчался до окошечка, в котором виднелась кассирша, сунул ей всё это под нос и выпалил:

– На ближайший до Москвы.

Кассирша, не глядя на меня, сгрэбла всё, что я ей сунул под нос, и вернула:

– Нет билетов.

– А когда будут?

– Неизвестно.

– Как неизвестно?

– Так. Нам не докладывают, слушайте объявления.

Стоящая рядом с кассой блондинка, устало разглядывающая броуновское движение пассажиропотока в зале, взглянула на меня и пробормотала себе под нос:

– Детский сад.

Забрав паспорт и деньги, я нырнул в этот людovorот и, изучив обстановку, узнал, что билетов нет уже дня три или

более; что тем не менее кто-то улетает; что, скорее всего, причиной отсутствия билетов являются сезонные работники-строители, попросту шабашники, которые двинулись по весне на Россию строить коровники и сараи; однако шабашников этих на регистрации не видно. Была ещё одна версия, похожая на правду, – за билет надо доплатить чирик, то есть червонец – десять рублей, но кассирши не берут, есть какие-то дельцы в зале, но как их вычислить, никто не знает.

Полной ясности не было ни у кого, равно как понимания, что делать. Народ кучковался вокруг одного-двух «буйных», становились, как правило, в кружок и бурно обсуждали, как, что делать, впрочем, толковых идей не было. Постояв в одной из таких куч, я понял, что начинать надо не здесь, и заявил:

– Народ, что мы тут ерундой занимаемся? Не имея информации, мы всё равно ничего не придумаем. Я пошёл узнать, что тут происходит на самом деле, кто со мной?

– А куда идти-то?

– Ясное дело куда – директору аэропорта.

Узнав на стойке регистрации, где находится кабинет директора, туда двинулись почти все участвовавшие в дискуссии. По дороге к нам присоединялись ещё, толпа собралась человек в шестьдесят. Пройдя мимо что-то кудахтавшей секретарши, ввалились в кабинет к директору, всего впихнулось человек двадцать пять – тридцать – больше не вмещал кабинет. Директор стоял, вытаращив глаза, не понимая, как ему

реагировать на наше вторжение. Я, как затеявший эту бузу, спросил:

– Объясните, что тут у вас творится. Самолёты взлетают без задержек, а билетов в кассах нет третий день. Нет никакой информации, почему нет билетов. Что вообще происходит у вас в аэропорту?

Директор уже опамятовался и понял, что он может мне сказать, и, почему-то повернувшись ко мне боком, как стрелок-дуэлянт, ответил:

– А кто ты такой?

– Я клиент «Аэрофлота».

Фразу эту я произнёс, чётко артикулируя, как бы подчёркивая свой высокий статус как клиента социально значимой организации. Ответ мой привёл директора аэропорта в замешательство, очевидно, он впервые в своей жизни видел Клиента «Аэрофлота» и не понимал, как ему себя вести в данной ситуации. На всякий случай он задал уточняющий вопрос:

– Кто-кто?

– Клиент «Аэрофлота».

Тут директор решил использовать, надо полагать, единственный имеющийся у него метод общения с клиентами, старый и проверенный – начал хабалить:

– Кто вы такие, как посмелъ хадить мой кабинет?

Это он сделал, не подумав – атмосфера накалилась мгновенно, рёв тридцати разъяренных глоток перекрыл бы вой взлетающего Ту-154. Народ сзади стал напирать, кто-то хо-

тел всё посмотреть в глаза директору лично, а кто-то предлагал пощупать его продувную рожу. Директор сбледнул с лица, перетрухнул, стал размахивать руками, что-то кричать, но его не было слышно. Когда наш первый ряд прижали практически вплотную к столу, я заорал:

– Тихо, мужики, давайте послушаем, что он говорит.

Потихоньку народ успокоился, директор, активно жестикулируя, начал втолковывать:

– Товарищи, сейчас лично во всём разберусь, былэты будут, всё будэт, сэйчас всё будэт. Позвольте пройти в кассовый зал.

Народ потихонечку расступился, образовав узкий проход. Директор протиснулся ко входной двери, повернулся и с просительной интонацией произнёс:

– Извините, мне служебный кабинет закрыть нужно – не могу оставить в нём посторонних.

Это было резонно – народ стал потихоньку выбираться из его кабинета и, минуя секретарскую, группироваться в коридоре. Дождавшись последнего, директор сунул нос в кабинет. Осмотрев мельком свои владения, взял ключ у секретарши, закрыл дверь, сунул его себе в карман и сыпанул по коридору. Мы двинули вслед за ним.

Спустившись вниз, директор шмыгнул к кассирам, поговорил о чём-то с каждой, а затем нырнул в дверцу и пропал. Мы, понаблюдав за ним некоторое время, решили ждать появления какой-либо информации. Через час несколько осо-

бо активных, и я в том числе, решили пойти и всё же пощупать морду директору. Толпа в этот раз собралась поменьше, но человек двадцать набралось – сунулись в кабинет, а ни его, ни секретарши нет, слинял гад или где-то затихарился.

Часам к двенадцати я понял, что за всей этой суетой я ещё ни разу не поел, и решил поискать буфет. Со мной на поиски отправились ещё четверо настоящих буйных, как и я, – двое мужиков и две женщины. Один москвич – это я, Володя – ленинградец (город на Неве тогда назывался Ленинградом), снабженец с Алтая с коллегой, Инна, девушка из Белоруссии, кажется, из Витебска. За исключением нас с Володей, все остальные были снабженцами – Володя зависал в аэропорту первые сутки, а снабженцы уже трое. За ночным перекусом они нам рассказали, что такая ситуация повторяется в Армении из года в год – весной улететь невозможно, но армяне находят варианты, цена известна – чирик, только найти посредника непросто – это раз, а во-вторых, червонец надо платить из своих, бухгалтерия организации, направившей тебя в командировку, такие затраты не учтёт, поскольку посредник не выдаст же тебе справку, что он за десять рублей сверх цены на билет поспособил тебе попасть в самолёт.

Попытались пристроиться на ночлег в какую не то гостиничку, но, увы, мест нигде не было, мало того, администраторы в гостиницах были настолько отвратительно высокомерны, амбициозны и кичливы, что становилось понятным, почему в стране запрещено владение огнестрельным оружием.

В итоге спать пришлось в зале ожидания аэропорта, сидя на скамейках – ещё надо было поискать свободное место.

Второй день также прошёл без пользы делу – болтались по аэропорту, шумели, пытались найти директора, который явно сменил место дислокации. К вечеру прошёл слух, что на железнодорожном вокзале формируют поезд, на котором собираются вывезти всю нашу мишпуху в Москву. Часть аэровокзальных страдальцев ломанулась туда, из нашей компашки поехали я с Володькой, снабженцы с Алтая и белоруска.

Слухи оказались небеспочвенны – поезд такой собрали, но предупредили, что он будет идти по расписанию пассажирского, то есть останавливаться у каждого столба, не будет вагона-ресторана, горячего чая, поскольку проводников будет вдвое меньше норматива, отправление следующим утром. Опять устроили какую-то бессмысленную волокиту с продажей билетов – начали продажи около двух часов ночи, хотя у кого-то они волшебным образом появлялись раньше. Спали опять на скамейках в зале ожидания. Утром, часа за полтора до отправления, я предложил:

– Володь, давай пробежимся по окрестным магазинам, купим чего-нибудь пожевать и выпить в дорожку.

– Выпить – непременно, а жрачку брать пока не будем.

– Почему?

– Да ты чего? Только отъедем чуток от Еревана – бабки на остановках понесут картошечку отварную горячую, курочек, огурчики солёные, капустку, грибочки.

Так и поступили.

Первая проблема возникла при посадке у Инны из Белоруссии – её место в соседнем купе было занято, причём, как стало ясно из её путаных объяснений, забито каким-то грузом, а взамен ей предложили место в купе с тремя пьяными горцами. Володя сходил на разведку, вернулся и сказал:

– Поезд двинется – всё решим.

Дождавшись отъезда, Володя двинулся решать вопрос заселения Инны на положенное ей место, а я пошёл посмотреть, как он это сделает. Купе в самом деле было завалено целиком и полностью гитарами до потолка. Да, страна была одна – СССР, а дефицит был в каждом регионе свой – в Москве с гитарами был облом. Как человек, умевший брать на этом инструменте три аккорда, я это знал наверняка. Так что усилия по уменьшению дефицита, предпринятые инициативной армянкой, я в целом поддержал, но методы как-то были не очень. У забившей всё купе гитарами армянки не было билета ни на одно место в этом купе – сама она располагалась в соседнем. Увидев, что претендентка на своё место прибыла с поддержкой, она в качестве своего представителя вызвала проводницу, после чего они стали в два голоса объяснять, что предложенное Инне место в соседнем вагоне в купе с тремя полупьяными мужиками – это самое лучшее, что она видела в своей жизни, – мужчины очень приятные, а билет её вообще вызывает сомнения – что-то он не очень похож на правильный.

Но у Володи – советского мента, работающего, как выяснилось позже, в привокзальной милиции Ленинграда, весь этот цирк вызвал лишь сардоническую ухмылку. Предъявив проводнице удостоверение, он сказал:

– Купе откройте.

Проводница, перейдя на армянский язык, что-то начала горячо объяснять, активно жестикулируя. Приёмчик этот тоже не возымел действия, Вова нагнул голову и негромко сказал:

– Типа русский языка не говоришь и плохо понимаешь. Заканчивай этот цирк, открывай купе. А не то я иду к начальнику поезда, и на ближайшей остановке будем открывать это купе с понятыми, железнодорожной милицией и ОБХСС, если найдём.

Проводница открыла купе – гитары лежали на полках, в проходе, на столе, вся эта куча немного не достигала потолка.

– Значит, так. Освобождайте проход, левую нижнюю полку и столик. Койку застелить. Нам за нашу доброту и доброжелательное отношение две бутылки армянского коньяка в купе, чтобы мы всё забыли.

Ничего не говоря, проводница с товаркой стали вытаскивать из купе гитары и носить их к себе. Часть распихали по незанятым багажным полкам в вагоне, даже у нас несколько штук притырили. Мы не возражали – багажная полка пустует, что мы, звери какие?

Пара бутылок коньяка красовалась у нас на столе, а вот с закуской, да и вообще с нашим питанием, Вован ошибся – никакие старушки, пока мы ехали по территории Армении, к поезду не выходили – видно, у них рентабельнее работать на своём огороде, или армяне о своих старушках заботятся лучше, чем мы, русские, и им не надо толкаться у проезжающих поездов с кастрюльками и банками. Всё бы ничего, на станциях ведь есть буфеты, но, к глубокому нашему сожалению, в буфетах этих были только какие-то засохшие булки, так что полтора дня наш рацион состоял из водки, коньяка и этих чёрствых булок.

Но, глянув в окно, когда наш поезд остановился на первой российской станции, я решил, что на перроне проходит какой-то местный праздник, – платформа была забита продавцами всяческой снеди, так что для того, чтобы выйти из вагона размять ноги, нужно было протискиваться сквозь них, как в троллейбусе на Садовом в час пик. Но зато уж и затарились мы – мама не горюй, дальнейший наш путь протекал повеселей.

Всего в пути мы находились без малого трое суток. Милка перед отъездом дала мне пятьдесят рублей, велела купить в ей Ереване туфли, вроде бы там хорошие мастера – туфли я не купил, не до них было, но деньги мне очень пригодились, все проел, пропил – затянулась командировочка.

А в Москве жизнь шла своим чередом – тесть завёз на дачу несколько кубов бруса ещё дореволюционного производ-

ства сечением шесть на двенадцать дюймов.

Узнал, что где-то в Москве в детском саду сносят беседки для дневного сна детей, договорился с прорабом за долю малую, и брус этот вместо того, чтобы попасть на свалку, оказался на даче тестя. Сказать по совести, брус, конечно, полюбому на свалку бы не отвезли, но и государство дальнейшая судьба бруса мало волновала, и путь его был предопределён – просто дед оказался первым. Беседки эти построили ещё до исторического материализма Маркса – они служили летними павильонами в саду какого-то состоятельного господина, отсюда качество строительства и материала – дерево звенело, было ровнѐхонько, ни малейшей червоточинки. Самое справедливое государство рабочих и крестьян разрешало на садовых участках строить летние неотапливаемые строения размерами не более чем шесть на шесть, с мансардой, и хозяйственный блок площадью двенадцать квадратных метров. К дачному домику можно было пристроить открытую двухметровую терраску. Материала на избушку габаритами шесть на шесть, чтобы собрать её без отделки, хватало, там же дед подкупил штук двадцать брёвен – кругляка и лафета⁶.

Опыта строительства не было ни у кого. Что-то мастерили по наитию, что-то узнавали из книги «Как построить сельский дом», которую где-то надыбал дед, консультировались со знакомыми и соседями. Руководил стройкой тесть. Со-

---

⁶ Обтёсанное с двух сторон бревно.

брались в ближайшие выходные дед, племянник Витька – Милкин двоюродный брат и я, растопили на костре гудрон, промазали фундамент, раскатали по нему рубероид, затем уложили на него лафет, на него, укрепив их укосинами, ставили трёхметровые стойки, в углах и в тех местах где предполагались дверные и оконные проёмы, пустоты под ними закладывали брусом, поверху двери и окон всё закладывали брусом распиленным на размер шесть метров метра, начали, как потом я, немного разобравшись в строительстве, узнал, строить каркасный дом.

* * *

Как-то раз в начале рабочего дня Николай Иванович Ляпунов, подзвав меня, деловито заявил:

– Алек, тебе надо придумать себе какую-нибудь общественную работу. У нас в институте без этого никак, сам не найдешь, так тебе найдут – будь уверен, но она тебе может весьма не понравиться. Ты какой-нибудь общественной деятельностью в НИИТавтопроме занимался?

– Да, я был председателем Совета молодых специалистов конструкторской службы.

– Так это просто отлично, у нас же Саша Тележников является председателем факультетского Совета молодых специалистов, вот ты от нашей кафедры и будешь там заседать, и вопросов к тебе по части общественных нагрузок не будет.

Так и сладилось – стал я к Шуре ходить на заседания Совета молодых учёных и специалистов.

Когда не надо было что-то катать, таскать или мыть сетку, выполнять какие-то работы по теме, и никто не предлагал пойти попить пивка, или чего покрепче, я сидел, занимался изучением различных теорий пластичности, свойств пористых и композиционных материалов.

Помнится, занимаясь этой ерундой, как-то раз разговорились с Толей Грындяковым по каким-то аспектам служебных свойств материалов, не помню точно, о чём, – не суть. Разговор перешёл в спор, причём у каждого не находилось убедительных аргументов, которые бы точно подтвердили его правоту. Но Анатолий, ничтоже сумняшеся, нашёл такой аргумент:

– Вот скажи, ты кто?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, по образованию, квалификационно.

– Инженер.

– Ага. А я кандидат технических наук. Вот когда будешь кандидатом, тогда доспорим. А пока я прав.

Тут возразить мне было нечего, и в самом деле – если инженер кандидату перечить начнёт, эдак мы дойдём...

* * *

Серёга Чиков закончил вечернее отделение и уволил-

ся, его пригласили проректором по финансово-хозяйственной деятельности на Завод-ВТУЗ ЗИЛа, завлабом назначили Сашку Кузьмина. Вместе с Серёгой ушёл Анатолий Макаров, уволились два наших ветерана – учебных мастера, в итоге сменился весь вспомогательный учебный персонал. Как правило, на эти должности устраивались студенты-вечерники – работать там, где учишься, удобно, хотя, на мой взгляд, это практика ошибочная. Если собираешься впоследствии работать по специальности, то и трудиться надо непосредственно по предполагаемой профессии, будущему инженеру на заводе, в проектном или научно-исследовательском институте, а если не собираешься, то зачем ты здесь?

Впрочем, у всякой пташки свои замашки.

Зарплата учебного мастера невелика, и многие из них оформлялись работать по НИС⁷. По нашей пористо-сетчатой тематике загрузка их работой обычно осуществлялась через меня, поэтому у меня, бывало, возникали конфликты с теми, кто не готов был нормально выполнять порученное. А с нормальными пацанами я ладил беспроблемно.

* * *

В сентябре отвели сына в первый класс, всё было по стандарту: форма, ранец, огромный букет и тревожный, немно-

---

⁷ Научно-исследовательский сектор.

го испуганный Мишутка. Первый класс, первая линейка, первая учительница, первый урок, первая перемена, первый школьный день и весёлый, задорный, всё познавший Миха – подумаешь, школа, видали и посерьёзнее.

Меня тоже направили доучиться, моя беспартийность тревожила честных людей, и мне в приказном порядке было сказано, что я поступаю или уже поступил – точно не помню – в ВУМЛ⁸. Единственное, что удалось вырвать у зверей из пасти, – разрешили зачислиться на философский факультет, а не на факультет партийного строительства, куда меня пытались определить, – пришлось ходить раз или два в неделю по вечерам на занятия.

В ноябре меня вызвали в военкомат, забрали военный билет и велели явиться через неделю. Явившись через неделю, получил военный билет, в котором было указано, что я годен к строевой военной службе, но за исключением ЗВ, ЭРВ, ВДВ. Ну, так что ж, послужим в пехоте или в стройбате – родине ещё нужны наши натруженные руки и мозолистые пятки.

Потом сгоняли в командировку в Выксу с ребятами с энергомашиностроительного факультета, с кафедры ЭЗ. До этой поездки я с ними знаком не был, одного звали Володька Кондратьев, как величали второго, не помню, он был специалистом по вакуумным диффузионным насосам. Имеющийся у нас насос не давал высокой степени разрежения, нарыли

---

⁸ Всесоюзный институт марксизма – ленинизма.

где-то более производительный насос, но нужно было его настроить, вот мы и поехали. Спец по насосам был парень пре-забавный – выпросил у Льва Сергеевича Шмелёва (начальника цеха) пол-литра спирта якобы для промывки чего-то там в насосе, использовал – всё честь по чести, полстакана, остальное тут же развёл и влил в себя и нас с Володькой – сразу вспомнилась моя юность слесарная. Потом вытребовал лист нержавеющей стали, отрезал от него полосочку на хомутик, а остальное отдал цеховым слесарям, которые за пятнадцать минут из листа сварганили бочонок, смывшись с работы, тут же забодали его на рынке бабкам для засолки капусты. Вырученные деньги, как водится, пропили, а следующий день, как полагается, прогуляли. Лев Сергеевич распутал эту многоходовку на раз, понял, что без нашего участия не обошлось, и закатил нам дыню, в смысле устроил выволочку за растление его коллектива, но по-доброму, по-отечески.

* * *

Ляпунову надвигался сороковник, он решил отметить в помещении секции, все скинулись, что-то подарили – не помню что.

Юрка Буянов занимался закупками, Володька Солдатенков – счастливчик, подруга его работала на Московском ликёро-водочном комбинате, организовывал напитки, а Валерка Стратьев, Сашка Кузьмин и я разместили столы буквой П,

накрыли их, за неимением скатертей, рулонной электрографической бумагой, разложили тарелки, вилки и ножи, которые Буян приволок из столовой, расставили разномастную посуду для питья: стаканы, фужеры, рюмки, чашки и прочее, когда принесли закуски, разложили всё как смогли красиво.

Было весело, пришло много народа с шестёрки, с других кафедр и секций нашей кафедры, наговорили тостов, надарили много различных бутылок с напитками, коллекционными коньяками, поддавший Зафир стал отрезать у всех, кто был при параде, галстуки – говорил на память, В конце вечера Николай Иванович стал открывать коньячные бутылки, выливать содержимое в подаренную большую деревянную кружку и пускать её по кругу. Когда это действие ему наскучило, он стал бросать в кружку селёдку, сказав:

– На счастье, пусть поплавает, кто поймает – приз.

Напротив меня сидели Солдатенков с Буяном, Володька сказал:

– Сегодня надо поаккуратней.

Они так и поступили – поставили в качестве приборов для питья стадвадцатипятиграммовые кофейные чашечки. Выпив по шесть чашек, переглянулись, решительно отодвинули их в сторону и взялись за двухсотпятидесятиграммовые стаканы, но заполняли их умеренно – от силы на две трети.

Разошлись немного до двенадцати ночи – в Технилице всё ж таки был пропускной режим, и хотя в те годы он был вполне лояльный, но совесть тоже надо было иметь.

До метро мы шли вдвоём с Кондратенко, у входа я начал прощаться:

– До свиданья, Владимир Григорьевич.

– А ты разве не на метро?

– Вообще-то да, но сегодня пешком пройду до Красносельской, а там на трамвайчик. Выпил всё-таки, не хочу рисковать.

От Бауманской до Красносельской пешком около получаса, решил – пройду, проветрюсь, а там погляжу. В целом за столом я пил очень аккуратно, но рисковать смысла не было – время позднее, если доблестная милиция не реализовала свой личный план по наполнению семейных бюджетов, учуют что-то не то – и доказывай, что ты не верблюд. Или обдерут как липку, или закроют на ночь, и письмо на производство – запах есть, и ничего не докажешь.

– Это ты правильно решил, пойдём, я тебя провожу.

– Да я в норме, спасибо, Владимир Григорьевич, дойду по холодку только так.

– Нет, Алек, я не могу тебя отпустить одного, я тебя провожу.

– Ну, пойдёмте.

И мы двинулись пешком до Нижней Красносельской, о чём-то говорили. Когда подошли к Красносельскому путепроводу, Владимир Григорьевич взял меня под руку, сказав:

– Давай я тебя под руку возьму, чтобы ты не качался.

Не знаю, может быть, я и покачивался, я не заметил, но,

когда Григорьевич взял меня под руку, нас стало на пару носить от перил к перилам Красносельского путепровода, а он не шибко узенький. Отчего это произошло, до сих пор не понимаю – может, амплитуды складывались. Стало понятно, что так мы не скоро дойдём до конечной точки маршрута, – путь резко удлинился. Я предложил:

– Владимир Григорьевич, давайте пойдём поодиночке, так у нас лучше получалось.

– Согласен.

Мы продолжили путь, расцепившись, – пошли как-то по-ровнее.

Дошли до Красносельской, забыв, кто кого провожал. Я проводил Кондрата – все, кто знал Владимира Григорьевича, – и друзья, и ученики – заглазно звали его Кондратом, бдительно проследил, как он прошёл через турникеты, и пошёл на трамвайную остановку.

Ехал в пустом трамвае стоя, привычка эта у меня была со студенческих лет и возникла от наблюдения за одним из близких друзей-однокашников Лёней Райским. Он всегда после наших весёлых сабантуйчиков, которые сопровождались обильными возлияниями, терял свой портфель, в котором находились лекции, учебники, иногда зачётка и документы. Происходило это так: он заходил в трамвай, занимал свободное место и засыпал. Трамвай возил его до тех пор, пока не приезжал вместе с Лёней в депо. Там выспавшегося Лёню ссаживали с трамвая уже без портфеля, поскольку они

всегда загадочно исчезали, и он добирался до дома как мог. Каждый раз, сажая его в трамвай, мы уговаривали:

– Лёня, главное, не садись, езжай стоя!

Он соглашался, кивал головой, говорил:

– Спокуха, мужики, я как стекло. Ша – только стоя.

Входил в трамвай, садился на свободное место и...

* * *

Кафедра наша стараниями Антона Михайловича, нашего шефа, ежеквартально занимала призовые места в социалистических соревнованиях всех видов, за что нам выплачивались какие-то премии. Премии эти сотрудникам не выдавались, а где-то хранились, и два раза в год на них арендовались зимой зал в Измайловском однодневном доме отдыха, летом – речной трамвайчик.

Под Новый год в этом самом Измайловском однодневном доме прошло выездное заседание кафедры. Действо это выглядело следующим образом: сначала все рассаживались в зале заседаний и было общее собрание, на котором заведующие секциями или назначенные докладчики произносили скучные речи по предложенным им темам. Потом завкафедрой подводил итоги прошедшего полугодия и намечал планы на будущее, после чего профорг приглашал всех за стол. Все перемещались в столовую, где уже были накрыты столы с выпивкой и закуской, – товарищеский ужин длился два-три

часа. Основная масса расходилась по домам, оставалось, как правило, человек десять-пятнадцать, и начиналось самое интересное. Завкафедрой снимал свою дорогую шапку, клал в неё десятирублёвку и пускал по кругу, завсекциями клали по пятёрке, доценты по-разному, кто пять, кто три, а аспиранты или инженеры, если такие затесались, – по рублю. Пили, как водится, шампанское, иногда шапка ходила по кругу не один раз, произносили всякие спичи, веселились. хохотали – вот эти продолжения заседания кафедры мне нравились.

* * *

В январе семьдесят восьмого Николай Иванович вновь озаботил меня моей работой на благо родины:

– Алек. Тебе надо как-то показать бурную деятельность по общественной линии, а то на кафедре на тебя планы строят. Ты подумай, что можно сделать, чтобы от тебя отстали.

Я подумал, поехал в НИИТавтопром, потом на АЗЛК, обсудили наше возможное сотрудничество, и мы заключили договор между советами молодых учёных и специалистов МВТУ, НИИТавтопрома и АЗЛК. В договоре декларировалось проведение научно-технических конференций, публикации научных статей и сборника работ молодых специалистов. Сотрудничество подразумевало шефство МВТУ и НИИТавтопрома над работами, внедрёнными на АЗЛК, организацию экскурсий на производство для студентов, молодых

сотрудников, подготовку молодёжи АЗЛК к поступлению в МВТУ.

Информация об этой инициативе была опубликована в заводской многотиражке АЗЛК и попала на глаза редактору службы «Московской правды» – газеты – органа московского городского комитета КПСС и Моссовета, который вознамерился тиснуть об этом заметочку. По стечению обстоятельств редактор этот был выпускником МВТУ, мало того, он был приятелем Ляпунова и позвонил ему, чтобы уточнить какие-то детали. Перетерев с приятелем, Николай Иванович направил меня в газету, дабы я раскрыл им глаза на происходящее, настропавив меня, как я должен выжать из этой ситуации максимум полезного для себя и факультета.

В редакции мне дали какого-то юного борца с недостатками. Классики марксизма сказали, что жизнь – борьба, но всё плохое в государстве победившего социализма было изжито, и в Стране Советов была только борьба очень хорошего с хорошим. Борец, которому меня представили, уже наваял три «подвала» на первой полосе об этой вечной борьбе, писал пламенно, огнево, про что-то там в носу, и стал с жаром допытываться у меня:

– Кто вам мешает делать ваши дела? Мы этих мерзавцев припечатаем.

– Да как-то вроде бы никто особо не мешает.

– Не мешают, ну, конечно, боятся, но ведь и не помогают.

– Ну почему, бывает, и помогают.

Поняв, что интересный для него материал – какой-нибудь скандал или что-то в этом роде – из общения со мной не выйдет, борец потерял интерес и перепасовал меня к какому-то усталому мужику, который, глянув в свой блокнот, поинтересовался:

– У вас есть какой-нибудь материал по Вашей теме?

– Конечно.

Я положил на стол договор о сотрудничестве, заключённый между советами молодых учёных и специалистов МВТУ, НИИТавтопрома и АЗЛК. Корреспондент бегло пробежал его глазами.

– Это копия?

– Да.

– На следующей неделе в понедельник я могу к вам подъехать часам к двенадцати?

– Конечно.

Я заказал ему пропуск, заранее предупредил Сашку Тележникова. Корреспондент прибыл ровно в двенадцать – ему нужно было только сделать снимок, текст статьи он уже набросал. Войдя деловито в лабораторию, он осмотрелся и сказал мне и Сашке:

– Вы давайте-ка к этому прессу встаньте поближе, а Вы сядьте за этот стол, как будто что-то пишете.

Посмотрев на нас через глазок видоискателя фотоаппарата, сказал:

– Надо для композиции третьего участника в кадр, и на

стол желательно какие-нибудь приборы поставить. У вас какие-либо приборы найдутся?

Спросил! Да у нас этих приборов – как говна за баней, приволокли и поставили на стол осциллограф, усилитель и ещё что-то, попавшееся под руку. Попросили Юрку Хациева, проводившего в это время занятия, принять участие в съёмке. Корреспондент, осмотрев нас, сделал ещё замечание:

– Вы, – обращаясь к Юрке, – возьмите в руки какую-нибудь деталь и измеряйте её чем-нибудь. Вы, – сказал мне, – наблюдайте за измерениями, а Вы, – обращаясь к Сашке, – глядите на показания приборов.

Отщёлкав несколько кадров, он сказал:

– До свиданья, ждите, будете в газете.

– А когда?

– Не знаю, не от меня зависит.

Не обманул, 20 мая 1978 года на первой странице «Московской правды» в правой колонке с заголовком «Горизонты содружества» была информация о договоре и прочем и приведена фотография, на которой красовались наши сосредоточенные физиономии – всё как будто по правде. Начальство наше и общественные лидеры были довольны и забыли обо мне на какое-то время.

Весной на майские праздники наша группа ПСМ решила отметить Первомай, по графику выпало отмечать у нас – хорошо не зимой. Увидев отсутствие мебели в прихожей, народ мог бы опешить. Я предупредил, что живём мы, мягко

говоря, скромно, но мне ответили:

– Стол и стулья есть?

– Найдём.

– Тарелки, рюмки, вилки?

– Разнокалиберные, но найдём.

– А больше ничего не нужно, всё остальное купим.

Так и произошло, скинулись, Милка по принятому распорядку должна была приготовить горячее – она подала мясо по-французски, остальное принесли гости. На нашу обстановку внимания никто не обратил.

Произошёл один эпизод, удививший и развеселивший всех. Первые этажи в нашем доме занимали магазины, наш подъезд располагался над продуктовым, и со стороны двора у магазина были загрузочные пандус и окно, и маленькое окошко размером с форточку, расположенное на высоте метр с небольшим от тротуара, наверно, для оформления документов. Вход в подъезд тоже был со двора, поскольку вход с проспекта Мира был закрыт по настоянию жильцов – чтоб алкаши не распивали. Утром первого мая это маленькое окошко магазина открыли, прикрепили тетрадный лист с надписью «Икра» и стали торговать красной икрой. В те годы это был дефицит страшный, но очереди не было, кто поймёт даже с пяти метров, что там происходит? Но входящий в подъезд видел всё вблизи – метров с двух, и все или почти все, идущие к нам в гости, прикупив икорки, спрашивали:

– А вы в курсе, что у вас рядом с подъездом красной икрой торгуют?

Когда мне сказали об этом Николай Иванович с женой, приехавшие первыми, я понятия не имел, тем не менее я с невозмутимым видом произнёс:

– Да, а что вас удивляет?

– А что, у вас это часто происходит?

– Нет, только по выходным дням и по праздникам.

Так я дурачил всех проходящих.

* * *

Илья Кременский заканчивал диссертацию – пахал как вол, доработался до того, что его в метро не пустили – сказали: «Вы пьяны», – а у него от перенапряжения болезнь развилась – вегетодистония, или вегетососудистая дистония. Сейчас говорят, что такой болезни нет и не было, мол, врачи ставили такой диагноз тогда, когда не знали, что происходит с человеком. Просто пахал как трактор, устал, перенапрягся, и какой тут диагноз? Не суть, справился, у нас на секции доложил, прежде чем выходить на шестёрку, работа мне понравилась – всё логично, стройно, доказательно сформулировано и подтверждено.

Шли домой после его доклада до метро с Юркой Хациевым, он сказал:

– Илья совершил подвиг.

– Это в каком смысле?

– Слушай, он практически за два года такую классную работу сделал, это подвиг.

Я задумался: подвиг не подвиг – я понимал, какие смыслы вкладывал Юрка – Илюха – молодец, трудяга.

* * *

Ходить мне на работу стало просто не в чем – нужен был пиджак, чтобы можно было положить в карманы документы, деньги, авторучку и прочее. Поехал в магазин мужской одежды на Трифоновскую – главное, рядом, понимал, что ничего такого, что мне может понравиться, не найду, но хоть что-то, может быть, подберу, а если нет, тоже не беда – времени много не потеряю – езды пять минут на трамвае.

Ассортимент был никакой, я ходил, с тоской перебирая весь этот хлам, пошитый фабрикой «Большевичка», но делать было нечего – подобрал себе какой-то нескладный пиджачишко и пошёл в примерочную. Примерил, глянул – просто беда, снял, собираясь оставить его в примерочной, и обратил внимание на пиджак, висевший там на вешалке. Пиджак этот булыжного цвета тоже не радовал ни фасоном, ни цветом, но у него была интересная кожаная оторочка по сгибу лацкана. Я такого никогда не видел и подумал: «Ну, хоть чем-то приукрасили», – и потянул пиджак к себе, чтобы рассмотреть получше. К своему изумлению, я понял, что в ка-

бинке висело два пиджака – прекрасный во всех отношениях пиджак из натуральной кожи, на который сверху натянули серое бесформенное говно Могилёв-Подольской швейной фабрики.

Не сомневаясь ни секунды, я надел кожаный пиджак – пусть попробуют стащить его с меня – и, сверкая радостной белозубой улыбкой – ещё бы, сто тридцать рублей за такую вещь, у фарцы такой ниже чем за триста пятьдесят не найдёшь, – подошёл к кассе. Кассир, глядя на меня, пришёл в предынфарктное состояние, а я нахально заявил:

– Вот пиджачок себе у вас в примерочной приглядел, продаётся?

Он, глядя на меня глазами, полными слёз и ненависти, ответил:

– Но вы же его уже на себя надели.

Пиджак был мне маловат, чтобы застегнуть его, мне нужно было втянуть живот, но что за беда? В те годы подобрать вещь строго по размеру вообще было непросто, и домой в трамвае пятёрочке я летел как на крыльях. Потом знал – за лето вес сброшу непременно, а там, глядишь, и пиджачок застёгиваться будет полегче.

В начале лета поехали втроём в Выксу: Генка Павлушкин, Санька Тележников и я – всем надо было накатать образцов. Катали не как обычно – днём, образцы оставили остывать у цеха, а вечером крепко выпили – производственная программа выполнена.

Я стал настраивать стан для прокатки своих образцов и, задавая в стан алюминиевый брусок, держал его, как щипцами, двумя стальными полосками. Не знаю зачем, но, чтобы половчее его держать, поместил указательный палец между пластинками, которыми я держал алюминиевый образец. Наверно, я потерял концентрацию и не отпустил брусок, после того как валки захватили его, но я почувствовал, что мой палец зажат и мою руку рывком потащило в прокатный стан – ни до, ни после этого случая я так сильно не пугался, выручила меня случайность – суммарная толщина полосок и алюминиевой пластины была такова, что захват произойти не мог – валки только чуть прихватили их вместе с моим пальцем, но с началом деформации этот импровизированный пакет разлетелся. Мне повезло в том, что, подыскивая, чем держать задаваемую в стан образец, я не нашёл ничего тоньше его. Если бы полосочки были миллиметровые, а я искал именно такие, то прокатало бы меня в лучшем виде. Логика развития событий была следующей: вслед за пальцем затащило в стан руку, стан расплющил её до толщины пять миллиметров и оторвал у самого плеча. Умер бы я от болевого шока и кровопотери, но обошлось. Про историю эту ребятам не сказал – хвастаться собственной глупостью как-то было неохота, просто молча прокатывал свои пакеты с ребятами.

На другой день пошли на завод, вскрыли пакеты, достали образцы, упаковали в два свёртка, свёрток поменьше был с

моими. Генка с Сашкой свои сложили в один свёрток – он получился нелёгким. Пошли назад, я тащил свой свёрток, Сашка – их. Генка уговаривал нас сразу идти пить пиво, не заходя в гостиницу, Сашка манкировал, Генка был на нерве. Так дошли до огромной лужи – ночью был сильный ливень, а город Выкса тогда был заасфальтирован лишь местами, тут Санька забастовал:

– Ген, я полпути пронёс, давай, дальше твоя очередь.

Но Геныч, оскорблённый Санькиным отказом начать утренний опохмел немедленно, ответил в уничижительной форме:

– Да пошло оно на х..., это грёбаное железо.

– Тогда оно и мне на х... не нужно, что, выкинуть?

– Выкидывай на х....

Санёк остановился и начал раскручивать над головой авоську, которую он всегда предусмотрительно прихватывал, набитую завёрнутым в оберточную бумагу пористым железом, и, раскрутив, метнул её, как древнегреческий дискбол Мирона, в центр лужи. Я ржал так, что чуть не уронил в ту же лужу свои образцы. Друзья мои успокоились, и, умиротворённые, мы проследовали в пивную, где привели себя в порядок пивом, портвейном «Агдам» и водкой.

Утром следующего дня я с группой зевак-прохожих с интересом наблюдали за двумя обалдуями, которые с отрешённым видом бродили босиком в засученных по колено брюках по огромной луже, вглядываясь в поднимающиеся с её дна

клубы взвеси жёлто-коричневой грязи. В какой-то момент Сашка сказал:

– Похоже, нашёл.

Нагнулся, пошарил в луже рукой и извлёк из воды тяжёлый пакет в авоське, с которого стекала жирная грязь. Из толпы зевак, наблюдающих за этим праздником жизни и вдруг понявших, что наконец-то найдены несметные сокровища братьев Баташовых, которые, как предполагалось, безвозвратно утеряны в пламени революции, послышались призывы разделить, по справедливости, между всеми участниками экспедиции найденные реликвии. Было же всем очевидно, что без наших подсказок два этих кулёмы, недобайки, портача никогда бы не нашли клад. Я, как честный человек, благостепенный горожанин и победитель социалистического соревнования, горячо поддерживал активных граждан, да разве можно было достучаться до сердец двух этих скаред. Куда там, они жадно схватили находку и босиком удалились с места происшествия.

По прибытии в Москву Генка передал Толе Трындякову часть образцов – Гена работал на теме у Толика. Трындяков, разглядывая образцы и не понимая, отчего они приобрели тёмно-серый цвет – а куда им деваться, они ж сутки в луже пролежали, – глубокомысленно произнёс:

– Пьяные катали.

Вот за что я всегда его уважал – нас, подлецов, скалдырников и лежебок насквозь видел – а вот управу найти не мог.

Был бы жив Лаврентий Палыч – ужо прописал бы нам ижицу.

Признаться, мы с Генкой, подвыпив, иногда выходили за рамки приличий. Однажды, изрядно приняв на грудь, стали размышлять, как нам продолжить так хорошо начавшийся вечер. Как ни странно, деньги у нас были, но всё позакрывалось к чёртовой матери, а желание добавить было неодолимым. Тут Генку осенило.

– А ты в курсе, что Санька вчера посылку от отца получил?

– Нет.

– А я в курсе, ты смекаешь, к чему это я?

Было понятно, к чему, раз пришла посылка, то в ней чача, зелень, какое-нибудь копчёное домашнее мясо, но являться с наглыми рожами в час ночи?!

– Ты серьёзно? Но неловко как-то – ночь, у него двое малых детей спят, и тут мы. Да нас Валентина Григорьевна наладит так, что мы будем лететь на сорок ярдов впереди собственного визга.

– Не пыли, тёща у Саньки – золотой человек, давай, поехали – теряем время.

Увы, долго ему меня уговаривать не пришлось, обсудили, звонить или нет, – решили не звонить, чтобы не давать шанса отвертеться. Выяснилось, что метро уже закрыто – стали ловить какой-нибудь транспорт на Бакунинской, остановился только огромный сорокаместный «Икарус».

– Слушай, подбрось к Семёновской.

– Десять рублей.

– Опамятуйся, за десять рублей мы в Тулу доберёмся, трёха – это за глаза.

– Да вы посмотрите, на каком комодe покaтитесь – это ж Венгрия, комфорт, я одного бензина только сожгу на пятёрку.

– Не понтуй, за бензин парк платит.

– Не, ребята, в такое время меньше чем за чирик даже не думайте.

Вот ведь гад какой, но время уходило, и мы согласились. Доехали до Щербаковской улицы, водитель остановился у Санькиного дома.

– Приехали, вот ваш дом.

– Нет, так не годится, заезжай, будить будем – надо ж приглашение получить.

Водитель стал протискивать свой огромный автобус между хилым штакетником и стеной дома, остановили его прямо под Сашкиными окнами.

– Давай гуди.

– Вы чего, охренели?! Весь дом разбудим.

– А кому сейчас легко?

Гудок у «Икаруса» раскатистый, басовитый, гудели минут десять. Мы стояли в дверях автобуса, наблюдая, как проснулось полдома, и угрозы спуститься и намять нам всё, что цело, стали весьма близкими к реальности. Наконец на шестом этаже распахнулось знакомое окно, в котором показа-

лась растрёпанная со сна Санькина голова. Увидев нас, он прокричал шёпотом, оказывается, такое возможно:

– Чего творите? Весь дом перебудили.

– Вчера хвастал, что тебе посылка пришла.

– Пришла, бегите уже в подъезд, а то, похоже, вас сейчас бить будут.

Тут-то не врал: стали хлопать двери подъездов. Сунув водителю десятку, мы забежали в его подъезд и, не дожидаясь спускающегося вниз лифта, поднялись бегом на его этаж. Обошлось – не поколотили.

Когда уже сидели за столом, Надя – Сашкина жена – сказала:

– Как только гудеть стали, я его в бок толкаю и говорю: «Иди встречай, друзья твои сумасшедшие прикатили», а он мне: «Не может быть, не может быть».

Жёны наши – золото, прощали всё нам, бутотёрам.

* * *

Позвонила тёща:

– Алик, Алик, у нас беда.

– Что случилось, Лидия Ивановна?

– Дом новый упал на даче – ветром сдуло.

В ближайшую субботу все собрались на даче – дом действительно упал. Стали разбираться, как это произошло, разобрались – всё было бы комично, если бы дом не упал.

Причиной падения пола был дедов живот и неверно выбранная последовательность возведения элементов здания. Живот помешал следующим образом: дом стоял благодаря большому количеству подпорок и укосин, которые, являясь, по сути, рёбрами жёсткости, обеспечивали и устойчивость строения. Но они мешали деду проникать в нужное место стройки – живот не пролезал, обходить было лениво, и дед каждый раз в сердцах снимал очередную подпорку. Одну снял – дом стоит, две – стоит, три – то же самое, ну и хрен ли с ними церемониться? Стоит же, не падает.

Чтобы можно было работать в дождь, дед решил закончить крышу. Стропила мы втроем поставили раньше, и дед взял и приколотил всю обрешётку, осталось только рубероидом накрыть – и порядок, работай в любую непогоду – всё как учили. Но учили не там и не тому – дед кончил техникум, что-то такое по контрольно-измерительным приборам и автоматике водонагревательных котлов, но строительству там не обучали. После того как он обрешетил кровлю, парусность её сильно возросла, и при первом сильном ветре дом сдуло к чёртовой матери, поскольку подпорочек-то не было.

Дед так расстроился, что пришлось договориться на работе и потрудиться ещё недельку на восстановлении дома. Витька так и так был в отпуске, приехали обе дочери – помогали относить и сортировать элементы строения. За неделю разобрали и снова собрали здание, капитально его закрепили откосами, заложили брусом почти все стенные проёмы

первого этажа, поставили стропила и снова обрешетили. Дед с Витькой до осени успели накрыть крышу рубероидом и вставить застеклённые оконные рамы.

* * *

Как-то после работы шли домой вместе с Валеркой Стратьевым, и я предложил:

– Может, по кружечке?

Валера подумал минутку и ответил:

– А может, ко мне? У меня батя винца прислал и бастурмы вяленой.

Отказаться от халявного винца и вяленой бастурмы – да это надо быть полным дебилом, и мы поменяли направление движения.

Валерка жил недалеко, минутах в десяти езды, не помню точно, кажется, на трамвае. Валера рассказывал, что у родителей жены было две квартиры, и одну они отдали им. Это была небольшая уютная квартирка, окна которой выходили на проезжую часть.

Я пошёл помыть руки, увидел, что ванна на треть заполнена какой-то красной жидкостью, спросил:

– А чего у тебя в ванной?

– Вино.

– Ни хрена себе, а откуда столько?

– Батя прислал.

– А у отца откуда?

– Ты ж знаешь, я из Молдавии, там у каждого свой виноградничек и своё вино. В России на своих огородах картошку выращивают, а у нас виноград. Потом у меня отец на винзаводе работает водителем, вино в цистерне возит.

Валерка рассказал, что батя его регулярно отправляет ему винцо. У них было две канистры: пока одна с вином ехала по почте в Москву, другая, опустошённая, ехала в Молдавию. Правда, была проблемка, почтари – те ещё пройдохи, регулярно отсасывали винцо из закрытой посылки. Делалось это просто: поскольку канистра была пластиковая, они длинной иглой прокалывали фанерный ящик и пластиковую канистру и отсасывали винишко. Возможно, что ящик прокалывали шилом, – неважно, главное то, что часть вина-то тью-тью. Но Валерка тоже был не лыком шит – договорился на седьмой кафедре, и мужики сварили ему две канистры из нержавеющей стали – конвейер заработал как положено, и усушка-утруска свелась к нулю.

Выпили винца, закусили удивительно вкусной бастурмой, поболтали.

С Валерой у нас быстро возникли приятельские отношения – было немало общего: оба недавно окончили институт, у каждого было по одному ребёнку в семье – у него была маленькая дочь, вдобавок оба мы испытывали определённые финансовые затруднения. За разговором Валера сказал:

– Слушай, давай летом в строяк запишемся – денег немно-

го заработаем. У нас на сварке парня оставили после института – работает инженером, у меня неплохие отношения с ним. Он едет командиром факультетского студенческого отряда летом в Норильск, я поговорю с ним, он нас возьмёт в отряд, не сомневаюсь.

– А немного – это сколько?

– Рублей восемьсот, я думаю, получим.

– Давай, очень даже неплохо было бы съездить, а-то с денежками напряг.

– Ты для надёжности командиру, если он спросит, скажи, что в Норильске был в строяке.

– Так я не был.

– Да соври, не страшно, так чтобы он не сомневался, что ты руками работать сможешь.

– А я в самом деле могу.

– Ну вот, тем более.

Валера переговорил, командир согласился, но попросил, чтобы я подошёл – познакомиться.

Я подошёл на секцию сварки, переговорили, я соврал, что работал в Норильске. В общем, договорились, что в первых числах июня мы с Валерой вылетаем со студенческим строительным отрядом в Норильск.

В июне я взял свой походный рюкзачок, сложил туда кое-какое барахлишко, бутылъ спирта – любил тогда после бритья протирать физиономию спиртом, отечественные лосьоны не вызывали у меня уважения, потом спирт никогда лиш-

ним не будет, и прибыл в нужный день и час в Домодедово. Отряд наш составлял человек сорок-пятьдесят, загрузились в самолёт, через четыре часа прибыли в Норильск. Было пасмурно, сыпался редкий снежок. Ждали автобусы – подошёл старший, стал нас развлекать байками, задал вопрос, который, надо полагать, он задавал всем:

– А чем аэропорт Норильска отличается от Домодедово?

Посыпались ответы:

– Колонны, полы, стены, пальмы...

Все они отвергались, я тоже стоял, разглядывал и обратил внимание, что стёкла зала прибытия двойные, что было вполне естественно для здания, находящегося за полярным кругом, но чего я не видел в аэропортах средней полосы, и ответил:

– Двойные стёкла.

Старший глянул на меня – было понятно, что на студента-первокурсника я мало похож, и ответил:

– Ну, ты, понятное дело, в Норильске не первый раз, знаешь.

Я с гордостью надул грудь и щёки.

Поселили нас – судя по всему, это традиционно происходило со всеми стройотрядниками – в школе. В классах стояли металлические разборные кровати, было бельё, вешалки, распределили по бригадам. Бригадиром у нас был Серёга Сопочкин, инженер с шестой кафедры, классный парень. Забавно – окончили одну кафедру – он заканчивал дневное от-

деление, работаем на родственных кафедрах, обедаем в одних столовых, ходим в одну библиотеку, а в институте ни разу не пересеклись. Чтобы познакомиться, надо было отъехать от Москвы на три тысячи километров.

В первую ночь не спалось, я, как неслук, предложил тяпнуть для сна, Серёга поначалу сопротивлялся этой идее – всё ж таки бугор, но, поняв, что спать никто не готов, чертыхаясь, поднялся, вытащил бутылку водки из рюкзака и пошёл к подоконнику. Валера достал бутылку виноградного спирта, я – обычного, подтянулись козероги, выпили, проговорили до утра.

Поначалу нас кинули на ремонт поребриков, так на северáх (северá – так, во множественном числе, называл север мой тесть, воевавший в Великую Отечественную матросом на северном флоте и много раз бывший по делам службы – он был наладчиком котельного оборудования – во всех северных городах России) называют тротуарные бордюры.

Как рассказал нам наш командир, перемещающийся по всем бригадам отряда, после зимы изрядная часть поребриков требует ремонта или полного восстановления. Зимой из-за обильных снегопадов применяемые для расчистки тротуаров «Катэры» – так норильчане называли американские тракторы Caterpillar – зачастую повреждают или полностью сносят поребрики – немудрено, под снегом поди разбери, где он тут, а мощи в «Катэре» неимоверно.

Работа была немудрённая – мы строили опалубку под бе-

тонирование этих самых поребриков, и умения нашему бригадиру и нам для производства этих работ вполне хватало, но только до тех пор, пока мы не дошли до закругления – тут мы просели, негнулись у нас доски на нужный диаметр, хоть ты тресни. Пришлось вызывать мастера – был такой человек в любом стройотряде, как правило, хорошо разбирающийся в строительстве. Сперва мы с Серёгой отнеслись скептически к тому, что он нас чему-то сможет научить, а зря. Научил. Появился невысокий крепко сбитый мужичок, с виду какой-то неказистый, посмотрел на нашу работу и указал на недочёты – типа опалубка наша местами кривовата:

– Что-то вы настроили не по шнуру, а как будто бык нассал.

Признаться, она не была эталоном, но уж и не так была плоха, по нашему мнению. Да и шнура у нас не было, но что тут спорить? Под руководством мастера подправили, но это всё так – семечки, ты покажи, как доску-то загнуть, чтоб она загнулась, как нужно! Попросил сапоги и рукавицы, стал перебирать доски, берёт её, шестиметровую, – один её конец на земле, другой в руке. Рукой так слегка покачивает, смотрит, как она прогибается, подобрал четыре штуки, с нашей помощью загнул и воткнул их в опалубку, снял сапоги, вернул рукавицы и поехал дальше. Нет, ну надо, а? Явно неприятный тип – унижил нас, гад, я его в МВТУ потом встретил, завлабом на одной из кафедр Э факультета работал, хороший пацан оказался. Вот ведь как замаскировался.

В целом работа была хорошая, опять же на свежем воздухе, но через несколько дней нас погрузили в вагончики дизель-электровоза, направили в Талнах на строительство здорового гаража. Поначалу мы растаскивали бетон в носилках по первому этажу – работёнка та ещё. Обычно по утрам на третий день после таких напрягов пальцы на руках сами не разгибаются – надо помогать другой рукой.

Объект, очевидно, готовили к сдаче осенью – нагнали стройотрядовцев – мама не горюй, работали в две смены, не хватало рабочих роб, это было весьма неприятно. Приходишь утром, а твоя роба насквозь мокрая от чужого пота – кто-то мантулил в ней в ночную смену. Спросили у прораба – развёл руками, да ничего, мол, страшного, поработаете месяцок, узнаете жизнь рабочего класса как она есть. Это мне-то про жизнь рабочего класса – пацан.

Через неделю нас в том же гараже отправили чистить второй этаж от строительного мусора. Когда поднялись наверх, я, глянув на горы мусора, подумал – неделю чистить будем – очистили за день, и работа эта после недели на бетоне казалась отдыхом. Единственное, в чём обделались, – швыряли мусор в лифтовую шахту, не задумываясь, и шахта забилась на высоте два-три метра от земли. Стояли, думали, что предпринять, – в мусоре и балки бетонные, и арматура, начнёшь разбирать – обрушится всё вместе с тобой, можешь травмироваться. Бригадир наш:

– Всем дожидаться, пойду расчищу, на голову мне смот-

рите что-нибудь не скиньте.

Мы с Валерой пошли вместе с ним вниз – обматюгал нас, велел возвращаться, следить за народом, чтобы кто-нибудь что-то не учудил. Всё разобрал сам аккуратненько за полчаса. Мы за это время остатки к шахте поднесли, когда он закончил, всё позбрасывали за пять минут.

Классный мужик был Серёжка Сопочкин, удивительно порядочный, совестливый и умный человек – рано ушёл, бесконечно жаль.

Следующие несколько дней мы занимались бетонированием полов второго этажа. За качеством нашей работы поначалу присматривал местный строитель – молодой парень лет двадцати пяти. Когда убедился, что мы можем работать самостоятельно, то подходил, только чтобы подать нам очередную бадью раствора. Руководить крановщицей, подающей бадьи с бетоном нам, и одновременно с этим заниматься своими делами у него получалось не очень, и я сказал ему, что у меня есть квалификация стропальщика. Работал я только с мостовыми кранами, но команды для работы с башенными кранами знаю тоже (а их всего-то на три больше – майна и вира стрелой и поворот) и справлюсь чудесным образом и без него. Он сказал:

– Пойдём.

Подача бетона происходила через отверстие в крыше, и руководить действиями крановщицы приходилось стоя на кровле. Огромное помещение второго этажа было двух объ-

емным и весьма высоким, крышу поддерживала мощная стальная конструкция, состоящая из трёх ригелей и системы рёбер жёсткости в виде треугольников, опирающаяся на стены и стальные пилоны, стоящие вплотную к ним. Строитель наш, красуясь перед нашими девчонками, как-никак студентки – столичные штучки, у нас в бригаде было их две или три, вылезал на крышу по этой стальной паутине как Тарзан. Этим же путём он и отправился снова, а я потопал к стальной лестнице, непосредственно предусмотренной для того, чтобы попадать на крышу.

На крыше он крикнул крановщице:

– Зин, этот парень вместо меня будет бетон принимать, он с мостовыми кранами работал, справится.

– Он кому-нибудь на голову бадью опустит, а мне в тюрьму за то, что работала с неаттестованным стропалем.

– Он аттестованный.

– Пусть покажет книжку.

– Зин, приезжай в Москву, там покажу и книжку, и всё, что спросишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.